

Евгений Молчанов

Грибные приметы

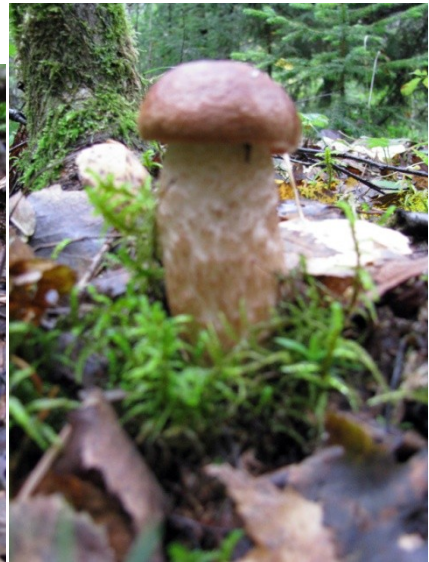

Жители небольших приволжских городков, московские дачники, независимо от профессий, интересов и политических пристрастий, во время грибного сезона одинаково потихоньку сходят с ума и устремляются в окрестные леса по грибы. Своими наблюдениями о некоторых региональных особенностях "тихой охоты" делится потомственный грибник и литератор в первом поколении. Героями его книги, рассчитанной на всех, кто разделяет пристрастия автора, стали преимущественно физики, ученые и инженеры, чем и отличается это издание от других «грибных мемуаров».

Эпиграфы к главам и фотографии – от автора.

*Жене Наталии – с благодарностью
за возможность сопереживать и разделять
радости приятных находок на грибных местах*

*Лесные тропки и грибы.
Звезды упавшей яркой хвост...
И не укрыться от судьбы –
Газетный путь совсем не прост.
Не звезды в августовском небе –
Строка нелегким дарит хлебом.*
2006

ПРЕДИСЛОВИЕ С РЮКЗАКОМ И КОРЗИНОЙ

Много раз цитировал древнегреческого философа: «В нашем диалоге с жизнью важен не наш вопрос, а ее ответ». То ли Платон написал со слов Сократа в их общих «Диалогах», то ли Сократ действительно так сказал, кто их сейчас разберет? Но только вот уже немало лет, как эта фраза стала моим профессиональным кредо. Как же у них, древних философов, лапидарно все, весомо, топором не вырубешь! Но одно дело диалоги с жизнью и другое – беседы с друзьями. С ними можно и расслабиться, и вопросы задавать, не дожидаясь ответов, и в ответ на их вопросы многозначно этак промолчать. И даже представить их на месте будущего читателя – тогда легче, а главное, непринужденней общение.

Исходя из этой посылки, я представил себе некие реперные точки, то есть пометки на пути движения элементарной частицы, что вполне можно согласовать с названием книжки, – как бы грибные приметы. Если за частицы принять мысли автора, которые мечутся от электрода к аноду и обратно (кажется, так?), то грибные приметы вовсе даже легко примут очертания неких причудливых взаимодействий, которые возникают в месте соударения частиц и проявляются, например, в фотоэмульсии. Или фиксируются специальными проволочками. Или как нити грибницы расцветают в световодах из особого сцинтилляционного материала. Ведь не случайно же я как автор сформировался именно в научной, естествоиспытательской среде, одновременно и строгой и вольной, формируемой исключительно любомудрием.

Вот и в этой книжке персонажи моих газетных и журнальных историй, выйдя за пределы своих лабораторий и научных офисов, займут подобающее им место на залитых августовским солнцем лесных опушках, в набухших сентябрьской влагой грибных чащобах и на моренных грядах, оставленных в незапамятные места в наших верхневолжских лесах таявшими ледниками. Или на дальних туристских маршрутах, которые запечатлены в объемном эпистолярном наследии аксакала дубненских туристов неутомимого Александра Злобина. В составе его команды не раз участвовал я в ягодно-грибных экспедициях на Великие озера, которые не в Канаде, а привольно раскинулись среди обширных болот в Тверской области.

Злобинские походные дневники – особая статья. Наугад открываю один из них – описание сплава по рекам Заполярья:

«Вышел на первую ходку на 30 минут. Подошвы ног намяты – тяжело даются многократные проходы – почти в 3 раза удлиняющие путь. На дороге встретил любопытствующих двух куропаток. Метрах в 5 от меня они все же взлетели. Вдоль дороги одиночно и станичками стоят подосиновики.

Привал на обед. Угостились черникой. Она здесь карликовая. Проглотили супчик сублимат, приправили его колбасой с сухарями и запили чаем.

Пошли к Пече. Ландшафт изменился. Идем по границе с Лапландским заповедником.

Меня встретил Кирюхин Ю. А., взял рюкзак, а другой рюкзак уже унес Гаврилов М. М. Я получил расслабление и стал собирать грибы. В лагерь принес более ведра отменных подосиновиков.

Свернул перед мостом через Печу по дороге влево и у зимовья увидел наших. Перекусили. Начали строить катамараны. Я взялся топить баню в зимовье. Дым валит из всех щелей и из трубы. Через четыре часа были готовы катамараны и баня. Погрелись в бане, окунулись в Пече. Жизнь хороша и жить хорошо! В полночь все отошли ко сну, а я взялся чистить грибы. В 2 часа ночи все еще полыхала закатная полоса зари на севере, а на юге взошла огромная, желто-медовая луна. Холодало...».

Ох, как же веет дымком походного костра от этих страничек! И вспоминаются мне юношеские блуждания по осеннему лесу и стихи, навеянные ими, которые помнятся до сих пор и до последней строчки:

Мой костер догорал, словно песенка.
Я сидел, курил «Краснопресненские»...

В моей профессии словообразующий корень *мет* играет особую роль. Не раз прибегал к жанру *заметок*, любимому своему формату. А если и верил в *приметы*, то только грибные. И о них речь впереди. Они редко когда подводят, если грибной сезон в разгаре, за плечами у тебя рюкзак с одной корзиной, в левой руке (а вдруг повезет!?) – вторая, а в правой – лесная палка с рогулькой на конце. А на работе и дома – компьютер да ноутбук, уже давно заменившие пишмашинку. Однако...

Однако компьютер, с внушаемой им иллюзией безграничного простора Сети, самозабвенных погружений в ее глубины, в больших количествах может утомлять. И тогда я иду в лес, на целый день, по дальним дорожкам, без компаса, сверяя путь по бегущим облакам. И выхожу в конце концов, завершая большой лесной круг, к чудной речке под названием Ситмеш, которая Бог знает когда проложила свое русло в лесах, и впадает в Волгу у деревни Прислон... Дно ее – мелкий утрамбованный песок, берега, высокими валами окаймляющие русло, поросли ольхой и березой, ели иногда освежают серо-коричневую гамму позднего осеннего пейзажа. А потом на даче пью чай... И этого дня хватает надолго.

Теперь это у нас – дело семейное.

По лесу бродил я в разных кампаниях. Но больше всего люблю ходить один. Когда идем с женой, заранее продумываю маршрут, учитывая погоду, время сезона, результаты своих предыдущих разведывательных вылазок и... нюансы женского настроения. Задаю направление (солнце слева или справа, если солнца нет, – «иди вот по этой кромке леса»), примерную дистанцию – и в свободное плавание... Но с учетом уже высказанных «вводных». Не дай Бог свернуть с Татой в низкий лес! – «Ты опять меня в болото завел!» Если далеко разойдемся, дальше, чем на расстояние голоса, мобильник выручит. Так что входим в лес и выходим из него всегда вместе. Обратно я – с двумя корзинами, ее и своей. Если в лесу наши дорожки невзначай пересекаются, Тата ворчит

недовольно: «Опять ты у меня перед самым носом рыскаешь!». Привыкла к самостоятельности за долгие годы совместных путешествий. А поначалу рядом ходила...

Когда Юля проводила в Дубне летние каникулы, мы ездили с ней «за канал», на Дмитрову Гору. Ох, и азартной сборщицей оказалась наша девочка! Однажды вдоль старой дороги в березовой роще буквально накопила сотни полторы беленьких. И хотя в то время зрение у меня самого было, как у орла, так за ней и не угнался. Мы с Юлей всегда счет вели, у кого больше белых окажется. Но и урожай в тот год выдался отменный. Не было у нас еще дачи, и все свободное время проводили в лесных походах. Потом Юля приучила к лесу Никиту, не без моей помощи, конечно. Никита тоже азартным сборщиком стал. Первое время в лесу не отходил от деда, Таты или от мамы с папой, а теперь уже осмелел и тоже стал удаляться в свободное плавание.

Едем в лес: Тата, Юля, Никита и я. Настроение веселое, предвкушаем: «Едем на машине мы и песню поем, едем большой семьей... А моторчик подпекает нам: «Дру-дру-дру»! И ты вместе с нами пой! Дру-дру-дру, дру-дру-дру, и ты вместе с нами пой!». И каждый по очереди припев подхватывает, перевоплощаясь в какой-нибудь персонаж: Никита: иго-гого-гого, Юля: ав-ав-ававава, Тата: ку-куку-куку-ку-ку-ку, я: хрю-хрюхрю-хрюхрю... Разноязыкая такая семейка! Но вот что самое странное – после веселой этой с песенками поездки грибы попадаются значительно чаще. То ли это предвкушение слияния с природой, то ли магия какая...

О магии, к слову, цитата из книги нашего дубненского автора Анатолия Сидорина «Теоретические основы кулинарной магии» (Дубна, 2009). В аннотации автор представлен как доцент базовой кафедры МИРЭА «Электроника физических установок» при Учебно-научном центре ОИЯИ, кандидат физико-математических наук. Издание имеет формат учебно-методического пособия и по структуре своей формально же его имитирует. Однако это игра. Это тонкая стилизация. На самом деле книга, как говорится в предисловии, «преследует цель пропаганды эстетических вкусов автора и его представления о добре и зле». «Мне захотелось, – пишет автор, – развернуть сухой перечень ингредиентов какого-нибудь простого блюда в рассказ о мире, в котором мы живем». И рассказ этот получился осязаемым и обоняемым, магически наполненным всеми мыслимыми ароматами, перелитыми в строчки, от которых трудно оторваться.

Событие, происходящее по чьей-либо воле или по естественным причинам, называется следствием. Чудо, просто по определению, не имеет внешних по отношению к нему причин. Чудо самообусловлено, то есть оно содержит в самом себе собственную причину, все условия собственной реализации. Чудо происходит самопроизвольно, то есть, следуя своей собственной воле...

...А вот об этом, пожалуйста, поподробнее... – потому что первая книжка, которую ваш собеседник прочел о «тихой охоте», называлась: «Грибы – чудо природы» (В. М. Федяев, Московский рабочий, 1972). Чудес в этом грибном мире немало. Но только в нашем сознании и восприятии «воля чудес» проявляется как неоспоримый факт. Помните, что сказал герой феерии Грина «Алые паруса»? – «...Я понял одну нехитрую истину. Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками. Когда для человека главное – получать дражайший пятак, легко дать этот пятак, но, когда душа таит зерно

пламенного растения – чуда, сделай ему это чудо, если ты в состоянии. Новая душа будет у него и новая у тебя».

Однако пусть к нашему грибному чуду часто лежит через болота и лесные завалы, и когда в нужных местах оказывается совсем пусто, поневоле или по собственной воле прибегаешь к магическим уловкам. И тут я неожиданно натыкаюсь у Толи Сидорина на следующую цитату:

Любой человек использует в своей жизни массу заклинаний, которые помогают ему в той или иной ситуации. Боле того, любой человек сам придумывает себе заклинания, пусть и не осознавая, что это такое. Это могут быть какие-нибудь прибаутки, цитаты из любимых стихов, или просто забавные восклицания. Иногда они даже превращаются в слова паразиты, но все же, как правило, сообщают речи ее неповторимое своеобразие.

Ну не в бровь, а прямо в глаз! В молодости придумал такую развлекаловку в лесу. Прибегал к ней только когда совсем ничего не попадалось. То ли у Пришвина, то ли еще у кого вычитал, как тетерев на току кричит: «Чуффышш!»... Все-таки у Пришвина: «Тетерев там где-то бормочет и чуфыкает». Сам не слышал, хотя тетеревов по осени с кормежки или зимой из-под снега поднимал. И уж больно звукосочетание это понравилось. Так вот, идешь, скучаешь без грибов и начинаешь потихоньку под тетерева «косить»: «Чуффышш, чуффышш!»... И ведь понемногу начинают грибы попадаться. Правда, старался этим волшебным заклинанием не злоупотреблять, чтобы от частого использования силу не потеряло...

Кстати, представив Анатолия Сидорина как первого но далеко не последнего персонажа своей грибной повести, добавлю еще, что нынче он служит Победе, по-гречески НИКА. Так в нашем институте в Дубне назвали проект, нацеленный на изучение опять же почти магического состояния ядерной материи, при котором она переходит из одной фазы в другую и образует кварк-глюонную плазму, существовавшую, говорят, в первые моменты Большого взрыва. А этот самый Big Bang породил, как известно, все сущее в нашей Галактике и на Земле, в том числе и флору, к коей относятся интересующие нас объекты природы, изучаемые микологами. Микологию как отрасль медицины, посвященную борьбе с грибковыми заболеваниями, мы здесь рассматривать не будем, ограничившись другого рода заболеванием – сезонной тягой к грибным местам.

А закончу свое предисловие двумя самыми верными и явными приметами, чтобы в дальнейших главках перейти к если не тайным, то сокровенным.

Первая – рыночные прилавки. На них в городе примерно в конце июня появились первые подберезовики и подосиновики – колосовики уже повылезли. И хотя этот первый летний слой не густ и короток по времени, побаловать близких первыми жареными грибами приятно. На перевернутых ящиках перед бабушками в конце июля – начале августа лежат аккуратными горками белые, те же подберезовики, подосиновики, желтые сыроежки. Тут сразу прикидываешь, куда пойти, а ответ один – заветная рощица, лежащая чуть в стороне от массовых грибных троп. Набрел на нее однажды, и каждый год навещаюсь сюда сначала в августе – за белыми и подосиновиками, чьи шляпки краснеют, желтеют или покрыты густым коричневым загаром на кочках, заросших черникой, а в сентябре – за дуплянками и чернушками. Вижу, что до меня здесь все-таки уже прошел не один грибник, но мои грибы меня ждут...

Вторая примета: на обочинах шоссе Дубна – Савелово или Дмитровского шоссе от Запрудни до Карманово припаркованы десятки, а то и сотни автомобилей. Вернее некуда!!! Судя по номерам, тут и московские дачники, и дубненцы, и соседи наши из Кимр и Савелово. И немало встреч будет в лесу, и новых наблюдений...

Правда, главное я, кажется, уже сказал.

В числе разнообразных охот человеческих имеет свое место и смиренная охота ходить по грибы или брать грибы. Хотя она не может равняться с другими охотами более оживленными уже потому, что там приходится иметь дело с живыми творениями, но может соперничать со многими, так сказать, второстепенными охотами, имеющими, впрочем, свои особые интересы.

Я даже готов отдать преимущество грибам, потому что их надобно отыскивать, следовательно, можно и не находить; тут примешивается некоторое умение, знание месторождения грибов, знание местности и счастье... Тут неизвестность, нечаянность, есть и удача и неудача, а все это вместе подстрекает охоту в человеке и составляет особенный интерес.

...Тоголь много гулял у нас по рощам и забавлялся тем, что, находя грибы, собирал их и подкладывал мне на дорожку, по которой я должен был возвращаться домой

Сергей Аксаков.

*В мире старых истрепанных книжек
Я не раз пропадал с головой...
Очень много на свете мальчишек,
И среди них не один я такой...
Дубна, 1966*

ВОКРУГ «ВОХРЫ»

Большеволжские закоулки – Заметки фенолога (А. С. Кондратьев) – Паустовский о парамах – грибной компас, или барометр...

Поселок моего детства, образованный в 30-е годы и обязанный своим рождением каналу имени Москвы, берущему свое начало в наших родных местах, утонул в садах. Заросшие травой канавки, деревянные мостики и тропинки вдоль заборов, неожиданные их тупички и повороты, да и сами эти улочки: Базарная, Лесная, Речная, Луговая, Садовая, Тихий переулочек, – уже давно не существуют, погребенные под каменными и бетонными монстрами.

Перед «вохрой» – зданием, в котором размещались отряд вооруженной охраны и управление ВРГС (Волжского района гидросооружений) и много еще чего другого, в том числе отцовская почта, библиотека на втором этаже, парикмахерская, радиоузел, сберкасса, – несколько старых берез и обширная лужайка. Под березами росли волнушки и, естественно, подберезовики. После школы по дороге на почту я обходил свои «владения» и срезал свежие грибы. Потом мы с отцом шли обедать «к Марье Моисеевне» – замечательному шеф-повару рабочей столовой с красивой фамилией Лебедь, и я поглощал свой любимый оливье с консервированными дальневосточными крабами, ароматный украинский борщ и огромный говяжий антрекот. Потом делал уроки, удобно расположившись за почтальонским столом и расставив учебники по разным полкам. Доделав уроки, поднимался в библиотеку, которой заправляла Лариса Викторовна Михалева, и долго витал в эмпиреях, переходя от полки к полке... Чем потрепаннее была книга, тем она оказывалась интересней. Вечером с отцом жарили грибы.

Вообще, «вохра» была историческим и географическим центром поселка водников, ставшего в 1956 году районом Дубны, своеобразным демпфером между институтской и левобережной ее частями. Здание это снесли в конце прошлого века, так же как и клуб «Маяк», и эти последние два исчезнувших символа поселка водников окончательно и безвозвратно развели нас с детством. Остались, правда, монументальные строения второй половины 30-х годов прошлого века, украсившие истоки канала имени Москвы, – первый шлюз, Ивановская ГЭС с плотиной, аварийные ворота, большой и малый маяки, 26-метровый меркуровский колосс – гранитный Ленин, чей взор устремлен в сторону столицы... Осталось и географическое название: Большая Волга.

По другую сторону от «вохры» раскинулся парк с круглой дощатой танцплощадкой, окруженной деревянным забором. Здесь березы перемежались с ольхой, место было слегка заболоченное. Точно не помню, но кажется, и здесь в старых березах попадались кое-какие грибы... Зато помню затейливый деревянный особняк с мезонином, в котором размещалась детская амбулатория под чутким руководством Нины Кузьминичны Кингсепп, жены хирурга и главного врача больницы водников Сергея Дмитриевича. Чуть поодаль – каменный домик с рентгенкабинетом, в котором в 50–60-е хозяйничал Александр Степанович Кондратьев – истинный русский интеллигент, влюбленный в природу, книголюб, фотограф-любитель, охотник и автор «заметок фенолога» в единственной местной газете «За коммунизм» (в которой

я начну работать в 1972 году). Сейчас этот жанр, выдающимися представителями которого были Сергей Аксаков, Михаил Пришвин, Виталий Бианки, и все еще остаются Василий Песков, Александр Стрижев, постепенно сходит со страниц отечественной периодики...

У Александра Степановича был замечательный русский спаниель черно-серой масти, который в старости стал очень похож на своего хозяина. Похожий спаниель, я, конечно, могу ошибаться, по кличке Кармен, был (была?) у Анатолия Васильевича Писняченко, другого яркого представителя нашей местной интеллигенции, который прекрасно играл на мандолине и, кажется, аккордеоне. После войны он ухитрился привезти на Большую Волгу немецкий автомобиль «оппель», немецкий же мотоцикл и даже велосипед – тоже немецкий. А мои родители – это было еще до моего появления на свет – привезли венгерский патефон фирмы «Орион» и ламповый радиоприемник той же фирмы. Приемник я раскурочил еще в детстве, а патефон жив до сих пор. Несмотря на то, что с ним мой брат ходил в гости на вечеринки. Все эти названные мною семейства и другие, неназванные, составляли слой большеволжской интеллигенции и между собою дружили. Сравнительно недавно писал об этом в своих «Записках островитянина» (Дубна, 2006) – но поскольку книга уже разошлась, кое-что из нее заимствую.

Вот характерная для Александра Степановича зарисовка «На паромной переправе», из газетной подшивки 1967 года:

«У большого маяка на канале имени Москвы работает паромная переправа. Старенький паром стонет, кряхтит, принимая на себя автобусы, грузовики, легковые машины, мотоциклистов, велосипедистов. Всех гостеприимно принимает паром: рыболовов и охотников, грибников и туристов...

С раннего утра выстраиваются очереди машин и людей у переправы. Поеживаясь от утренней свежести, кутаясь в свитера, телогрейки, фуфайки, позевывая, потягиваясь, чтобы сбросить остатки дремоты. Люди с корзинами, ведрами, лукошками – это грибники. Со спиннингами, удилищами, сачками – сгруппировались рыболовы. В противоположном углу парома с ружьями за плечами обсуждают свои маршруты охотники.

Переехав на другой берег, все это лесолюбивое племя разбрелось в разные стороны. А вечером мы снова встретились на переправе. И люди словно преобразились!.. Все возвращались с заполненной грибами тарой. У рыболовов в сетках – у кого зубастые щуки, у кого более мирная рыба – подлещики, плотва. Охотники – те более скрытная публика, у них снаружи ничего не видно. Из разговоров выясняется, что уткам сегодня не дали покормиться в болоте, им не дали даже напиться воды из Московского моря.

Что бросается в глаза наблюдателя – усталость, загорелые лица, счастливые улыбки. Слышатся веселые шутки. И каждый лесовик чувствует, как по всему телу у него растекается приятная истома. А паром все перевозит и перевозит. Журчит вода, от напряжения скрипит стальной канат. Вахтенному матросу, кроме перевозки пассажиров, важно еще не задерживать идущие по каналу теплоходы, самоходные баржи, буксиры, катера и прочий мелкий флот. А лес, одетый в осенний наряд, тихо стоит, любясь «людским муравейником». Он всех одарил своими щедрыми подарками.

На западе догорала заря. Задремали в сумерках берега. А паром все работал, стараясь закончить лесной день».

У Паустовского в «Золотой розе» читаем:

«Паром – это шумный колхозный базар. Он заменяет собой народные сборища и колхозные чайные.

Где и поговорить, как не на пароме, пока женщины, притворно ругая лодырей мужиков, медленно перебирают проволочный трос, пока косматые и покорные своей судьбе лошаденки дергают с соседних возов сено и торопливо жуют его, косясь на грузовик, где предсмертно визжат и барахтаются в мешках поросята, пока не докурены до ногтей сигарки из ядовитого зеленого самосада! Чтобы узнать все колхозные – и не только колхозные – новости, чтобы послушаться всяких мудрых и неожиданных сентенций и невероятных рассказов, надо пойти на заваленный сеной трухой щелястый паром и только посиживать там, покуривать да слушать, переправляясь с берега на берег.

Почти все паромщики – люди словоохотливые, острые на язык и бывалые. Особенно они любят поговорить к вечеру, когда народ перестает валандаться взад-вперед через реку, когда спокойно опускается солнце за крутояром – высоким берегом – и толчется в воздухе и зудит мошкара.

Тогда, сидя на лавочке около шалаша, можно деликатно взять загрубевшими от канатов пальцами папироску у залетного человека, который никуда не торопится, сказать, что, конечно, "легкий табак – одно баловство, не доходит он до нашего сердца", но все же с наслаждением закурить, прищуриться на реку и начать разговор.

Вообще вся шумная и разнообразная жизнь на речных берегах, на пристанях (их зовут дебаркадерами, или "конторками"), около наплавных мостов-плашкоутов со множеством толкущегося там речного народа, с его особыми нравами и традициями, дает богатую пищу для изучения языка».

Возвращаясь из очередного грибного похода «за канал», я лишь слегка прикрывал полную корзину несколькими зелеными ветками, сквозь которые недвусмысленно просвечивало собранное богатство. Ибо каждый грибник обязательно жаждет общественного признания. Присаживался с краю на отполированную многими седоками деревянную скамью и ловил восхищенные взгляды проходящих мимо столь же или не столь удачливых грибников и обсуждал с ними виды на грибную или пустую осень. И так же как позже станет моим грибным барометром стихийный городской рыночек, так и паром, неспешно влекомый стальным тросом на электрической тяге, вполне удовлетворял любознательность грибника и снабжал прогнозами на ближайшие времена.

Эх, и хорош же вчера мне попался на глаза мухомор. Сам темно-красный и спустил из-под шляпки вниз вдоль ножки белые панталоны, и даже со складочками. Рядом с ним сидит хорошенькая волнушка, вся подобранный, губки округлила, облизывается, мокренькая и умненькая. А масленок масленку рознь: то весь дрызглый, червивый, а то попадетя такой упругий и жирный, что даже из рук выскочит, да еще и пискнет.

Михаил Пришвин

*Мой костер догорал, словно песенка.
Я сидел, курил «Краснопресненские»...
Хорошо было думать об осени,
Улетать вслед за искрами-осами
И мечтать о далеком Несбывшемся...
Поконкретней – сказать не решился бы.*
1968

ОТЦОВСКОЕ НАСЛЕДСТВО

"Уголки" – белые поганки – эстетика грибной корзины – некоторые особенности соленья и маринования

Когда деревья были большими, а я маленьким, отец брал меня с собой в лес. Он ненавязчиво делился своим богатым грибным опытом. Старый купеческий город Кашин, в котором Макарий Ильич родился в начале прошлого века, был окружен грибными лесами.

Грибы – соленые, маринованные, жареные, да с картошечкой, всегда были любимым блюдом как у российской бедноты, так и у людей имущих. Достаточно полистать дореволюционные поваренные книги, чтобы в этом убедиться (в соответствующем разделе, будем считать его приложением, приведу несколько рецептов из популярной поварской книги 1913 года «Подарокъ всѣм хозяйкамъ», которая сохранилась в нашей семье).

Лесок у нас на Большой Волге был рядом с домом и совсем небольшой. Правда, это мне сейчас так кажется, когда за многие годы пройдены сотни километров с корзиной. А тогда деревья казались настоящими гигантами, и от края леса до высоковольтной линии (всего-то километр с кепкой!) – "дистанции огромного размера".

Мы переходили вырубку, над которой потрескивали от напряжения провода высоковольтной линии, и попадали на любимый отцовский "уголок", здесь линия электропередачи пересекалась со старой заброшенной лесной дорогой, по которой когда-то возили на телегах сено. "Ну а теперь, сынок, ищи", – говорил мне отец, и я начинал кружить среди нескольких берез и елей. Здесь, и правда, поджидали практически всегда несколько подберезовиков, волнушек, черных груздей. Это было мое первое "грибное местечко", пробудившее интерес к освоению грибных тайн. Как потом оказалось, тайны эти при попытке их упорядочивания и перевода в строгие законы оборачивались далеко не линейными, и постичь их до конца так и невозможно.

В местах, где встречались белые грибы, а любят они прогретые солнцем опушки и лесные лужайки, старые заросшие дороги, по которым большевожские пастухи гоняли на выпас коров, папа указывал мне на плоские белые шляпки с пятячок: "Эти белые поганки, сынок, – сигнал, что где-то рядом растут боровики". Отцовская грибная примета редко когда подводила. Увидишь белые поганки – кружи рядом с ними, пока не отыщется скрытный белый гриб, а то и целый выводок. Когда родятся белые грибы, всегда на излюбленных ими местах встречаются стайки белых поганочек.

Хорошо помню свою первую грибную удачу. Это было еще в детсадовские времена, незадолго до школы, лето 56-го года. Наша группа во главе с воспитательницей пошла на лесную прогулку, благо от детсада до леса рукой подать. И на самом краю леса, рядом с братскими могилами, где сейчас

возведен мемориал памяти бойцов, защищавших Москву в 1941-м, я наткнулся на огромный белый гриб, а рядом с ним стоял поменьше. Гордый трофеем, вернулся я со своей первой самостоятельной добычей домой: «Большой гриб это папа, а маленький это я». Родители порадовались вместе со мной. А может быть, это тогда гриб показался мне таким огромным? Ведь и деревья представлялись сказочными великанами!..

У отца всегда было правило: грибы в корзине – один к одному, тщательно очищенные от земли и лесного сора. Он никогда не ленился, срезав гриб, внимательно его осмотреть и почистить: «Дома работы будет меньше!». С сыроежкиных шляпок снимал кожицу, не сходя с того места, где их срезал, – так они будут меньше горчить. Особенно тщательно очищал чернушки – к этому подгруздю черному, как пишут в грибных книгах, всегда прилипает много песка и земли. Не зря их час-два вымачивают и тщательно моют, прежде чем отварить для засола ...

Однажды гостили мы у папиной сестры в Болшеве, что по Ярославской дороге, минутах в сорока от Москвы на электричке. И компанией отправились в лес: папа, брат, дядя Петя и я. Вернулись с грибами. Тетя Зина посмотрела на нашу добычу и... стала стыдить дядю Петю: "Посмотри на корзину Макария – вот грибки так грибки, любо-дорого взглянуть. А у тебя в корзине столько мусора, как будто ты его по всем лесу только и собирал!". Часто потом в наших окрестных дубненских лесах встречал я грибников с корзинами, закрытыми чистой тряпичкой, – чтобы иголки и иной лесной мусор не попали. У нас с братом корзины тоже очень привлекательно выглядели – школа отца!

Корзина – визитная карточка грибника, извините за банальность. Эстетика здесь может быть врожденной, а может быть воспитана. Наверное, у нас с братом и то и другое. А моя жена, приобщившись к прогулкам по дубненским лесам, даже став азартной сборщицей, так и не приучилась сразу на месте тщательно чистить грибы. Кстати, немного забегаю вперед, поделюсь одним из своих соображений по поводу нелинейной "грибной науки". Грибные очистки, оставленные на родном месте, возможно, способствуют поддержанию роста грибницы – этих "нитей Ариадны", из которых образуются грибные тела.

Возвращаясь к отцовской науке, добавлю, что он был не только грибником, но и кулинаром. По его примеру, я не закрываю соленые грибы в банках, а храню под гнетом в кастрюлях, обязательно застилая дно листьями черной смородины и хрена, и ими же покрываю грибы сверху. Между этими листьями они долго остаются светлыми и нарядными. Белянки – белеют, чернушки – лиловеют, волнушки и дуплянки – желтеют... Маринад отец готовил отдельно, заливая им отваренные белые и подосиновики, я же пошел по другому пути. Вывариваю грибы в собственном соку, а в конце варки добавляю уксус. Но это чисто вкусовые пристрастия, о которых мы еще поговорим.

...И вспоминается еще, как вместе с отцом поехали мы на катере в Клинцы. Только на сей раз за клюквой. В компании таких же, как мы, заготовителей преодолели береговую лесную полосу и вошли в болото. Тогда я впервые увидел, как растет клюква, но это зрелище меня, почему-то, не впечатлило... Да и сами болота, зыбкая эта тропа с вдавленным в черную торфяную грязь мхом... Набрали мы тогда клюквы или нет, уж и не помню. Только помню, что, оставив отца с компаньонами в болоте, я вернулся в прибрежный лес и до прихода катера набрал во мху отличных подберезовиков в свою небольшую корзинку.

Особенности моей семейной грибной истории связаны не только с отцом, хотя в первую очередь именно с ним, но и с мамой и со старшим братом Юрием (по отцу).

Мария Ивановка, мама, в военные годы работала на почте в поселке Большая Волга, заменила отца, ушедшего на фронт. Отец хранил на фронте письма жены и сына, из которых я узнал, когда подрос, множество интересного. Внушительные пачки этих писем хранят в себе полный календарь огородника и лесного промысловика за все военные годы – сколько чего сажали и собирали на грядках и в лесу. Это, мне кажется, тема отдельного историко-бытового исследования, наряду с названиями и рецептами некоторых забытых блюд, которые умели готовить практически из ничего в то голодное время...

Характерная строчка: "Грибов очень мало. Видно, кончится скоро война, говорят здесь старики", – из августа 43-го... И – чуть позже – меню ужина: "щи кислые с грибами и кислая капуста, тушенная с грибами и картошкой". Что же касается запасов на зиму – итоги того же 43-го: "7 мешков картошки, 8 ведер капусты квашеной, 4 ведра соленых опят, а других грибов не было..."

А вот брат, ему 12-13 лет, пишет: «16.6.1942. Сейчас уже начали родиться грибы. Этот год надо набирать их побольше. Теперь еще надо собирать брусничный и земляничный лист и цвет для чая. Сейчас пока хожу за щавелем для супа. У нас в школе его сушат. 3.6.1943. В школе мы теперь часто ходим за крапивой для столовой. Нам сказали, что если наберете 200 кг, то всем дадут по 200 гр. конфет. Скоро я буду ходить за щавелем на нашу полянку, где мы с тобой любили отдыхать и есть землянику. 12.7.1943. За каналом почему-то нет черники, да туда никто и не ходит дальше вглубь, боятся напороться на мину...».

«За каналом» – это мои любимые леса 60–70-х годов...

После Победы отец некоторое время оставался в Германии, к нему приехали жена и сын, и Юра некоторое время учился в Эберсвальде в школе для детей советских офицеров, в девятом классе. Примечательно, что в эту же школу пошел в первый класс сын однополчанина отца Семена Высоцкого Володя... Мы с братом не раз обсуждали такие превратности судьбы: кто тогда мог рассмотреть в неприметном первокласснике будущего актера, барда, поэта...

Семейство Молчановых поселилось у немецких хозяев, и вскоре die Küche стала территорией сотрудничества и взаимного обмена опытом двух хозяек: мама училась немецким кулинарным секретам, немка не могла не оценить качество русских пирогов. Однажды (или не однажды) в окрестных лесах, напоминающих наши лесопарки, отец насобирал белых грибов и пригласил немцев на ужин. Из военторга принес, как водится, русского шнапса, и вечер удался. Все было на славу – и выпивка, и закуска, и пироги. А когда немцы поинтересовались, что же такое вкусное было на сковороде, квартиросъемщики показали несколько белых грибов, оставленных для супа. Бедные гости позеленели: воистину, что русскому праздник, то немцу смерть! Ну, в общем, как-то инцидент сумели замять, а потом и вовсе убедить хозяев в съедобности weiße pilze! В Эберсвальде белый гриб считался поганкой, немцы предпочитали шампиньоны...

Спускаясь вниз через лес, Владимир Ильич вдруг увидел белые грибы и, несмотря на то, что шел дождь, принялся с азартом за их сбор... Мы вымокли до костей, но грибов набрали целый мешок. Запоздали, конечно, к поезду, и пришлось часа два сидеть на станции в ожидании следующего...

Надежда Крупская – из воспоминаний о Ленине в Швейцарии.

*Бывает, сказку ждем так долго,
 Что не заметим, где она,
 Дань воздаем долгам и долгу,
 За книжками сидим без сна.
 Но надо видеть первый лучик,
 Чтоб от него успеть зажечь
 Всех наших верных, наших лучших,
 Что нас стараются сберечь.*

(Дочери, к 8 Марта 2009,
 на сайте «Одноклассники»)

ТЕОРИЯ «ПОГРАНИЧЬЯ»

«Пограничная среда» – по краю моренной гряды – верхняя дорога на Волдынь – мшары

Один мой приятель защитил свою кандидатскую диссертацию по материалам математического распознавания образов. Тема была в его характере – учась на легендарном и престижном мехмате МГУ в одной группе с будущим знаменитым бардом Александром Сухановым и соседствуя с ним в общежитии, он до сих пор сохранил эту дружбу. И даже подсказал автору песен стихи Шелли, на которые положена одна из самых любимых мною сухановских песен. Я ее часто напеваю именно во время своих лесных прогулок. Так что совсем не случайно именно образы как математические объекты и субъекты карт далеких планет вдохновили моего приятеля Виктора Сенченко на тему его диссертации. Сейчас это все делается банально просто: оцифровки-расцифровки с помощью стандартных программ, имя которым легион, а тогда, в далекие 70-е, он пробивал целые вороха перфокарт и исписывал десятки метров магнитных лент, программируя то на CDC-1620, то на CDC-6200, а то и на БЭСМ-6. Впрочем, в перечисленный мною инструментарий может вкратиться ошибка, поэтому лучше вовремя остановиться. И, кстати, привести эти магические строки, найденные некогда Виктором в поэтическом сборнике из студенческой библиотеки в переводе Игнатия Ивановского.

Стихи так и называются:

СТРОКИ

Когда лампа разбита,
 Огонь умирает в пыли.
 Когда буря забыта,
 Всё меньше радуг вдали.
 Когда лютня упала,
 Струна звенит всё слабей.
 Когда речь отзвучала,
 Бледнеет память о ней.

Без лампы недолго
 Огонь догорал, чуть дыша,
 И песня умолкла,
 Когда онемела душа.
 В ней гимны ночные,
 Как ветры в руинах, поют,
 Как волны морские,
 Что вечно в колокол бьют.

Открыты ударам
 Два сердца у всех на виду,
 И жребий недаром
 Слабейшему прочит беду.
 Любовь! Ты ведь знала
 О нашей непрочной судьбе.
 Зачем ты избрала
 Такое жилище себе?

Но сердце устанет,
 Как ворон в большой ураган,
 И разум обманет,
 Как солнце в мороз и туман.
 Стропила раскрыты,
 Орлиный обрушился кров,
 И нет нам защиты
 От зимних холодных ветров.

Стихи к грибам никакого отношения не имеют, и на надо тут искать скрытый смысл. Так же как и многое другое в нашей жизни. Но хорошая ассоциация должна быть неожиданной. Журналист, завотделом науки газеты «Красная звезда» полковник Михаил Федорович Ребров, с которым мы когда-то успешно сотрудничали на ниве популяризации науки, был очень близок с космонавтами. Космос стал его профессиональной страстью. И однажды на космодроме Байконур, во время очередного космического полета, коллеги-журналисты из центральных советских изданий решили немного «пошалить», имея объектом своей шалости байконуровского цензора из Гослита. Они задумали каждый вставить в свой репортаж одну и ту же фразу: «Грибы, конечно, в космосе не растут...», – а дальше вариации по теме, в меру таланта и журналистского опыта. Простите, о каком это я таланте и опыте, если в космический пул тогда входили самые блестящие перья Союза – Голованов, Губарев, Коновалов... Материалы вышли миллионными, как водилось в то время, тиражами, и в каждый из них вошла «грибная» фраза, в которой ни один из цензоров не усомнился... Михаил Федорович даже цитировал нам изобретенные коллегами перлы, в которых была видна творческая индивидуальность каждого автора, но в моей памяти таких деталей, увы, не сохранилось. А записывать тогда было как-то не принято, да и кто ж мог предугадать, что придут времена, когда об этом будет можно рассказать.

Так вот, или вдвоем с Виктором, или всей нашей молодой ватагой, куда входили в начале 80-х кроме нас два физика-ускорительщика, Георгий Гульбекян и Борис Гикал, физик-ядерщик Андрей Попеко и еще один физик с «лесной» фамилией Юрий Тетерев, который занимался элементарным анализом различных материалов с помощью электронных пучков, мы часто бродили по окрестным лесам в поисках грибов. Сейчас, когда я вспоминаю о наших походах, меня больше всего поражает мощная концентрация интеллекта в этой компании, что не могло не сказаться и на результатах наших прогулок. Результат, как правило, обмывался по возвращении или в комнате физика-ядерщика в коммунальной квартире, или через квартал от него в моей двушке-хрущевке. Собранные грибы быстро жарились на большой сковороде, а к этому добавлялось все, что положено в такой ситуации. Застолье иногда превращалось

в научный семинар, благодаря чему я довольно быстро вошел в курс того, что происходит в нашем научном центре.

У Виктора постепенно образовалась своя теория грибных мест – «пограничья», и, как это часто бывает, в названную теорию, как в корзину, наполненную отборными грибами, легко улегся весь мой прошлый опыт потомственного грибника. То есть как бы на генетическом уровне. Начиная с отцовского «уголка» в ближнем лесу на Большой Волге. Кстати сказать, сейчас в непосредственной близости от этого места строится правобережный участок дубненской Особой экономической зоны, в которой разместятся высокотехнологичные производства, основанные на использовании ускорительной и лазерной техники и нанотехнологий. И будут расти-прирастать как грибы в лесу после дождика в четверг. Думаю, что пытливые умы моих друзей, не привыкшие к праздным размышлениям и строго дисциплинированные всей логикой исследовательской мысли, и в лесных прогулках обращали ее (мысль) к предмету очередных изысканий.

Когда мы с Виктором бродили в лесах за рекой Дубной и я показывал ему знакомые места, он, привычно сканируя пытливым взором окружающий ландшафт, постепенно сформулировал основные постулаты своей теории. С давним «уголком» моего детства, чьи открытые стороны прогревались на солнце, все было ясно изначально: прогрев земли способствовал быстрому росту грибницы. По пути к деревне Волдынь мы всегда обходили многочисленные лесные опушки – здесь на солнечной стороне в невысокой траве всегда прятались белые грибы с темно-коричневыми, словно загорелыми шляпками и ярко-оранжевые подосиновики. Но особенно богатый «улов» ждал нас на границах высокого и низкого леса. В принципе, я все это уже постиг эмпирически, опытным путем, но знание, подкрепленное увесистой теорией, вдохновляло на новые подвиги.

Тогда, в 80-е, моим излюбленным маршрутом была «верхняя» волдынская дорога, проложенная по самому гребню древней моренной гряды. Дорога ведет к деревне Волдынь, что стоит на холме, окруженном лесами и труднопроходимыми болотами. Из этих болот вытекает лесная речка. Она впадает в Волгу чуть выше деревни Прислон и чуть ниже Притыкино (старинные приволжские деревни «прислонились» и «приткнулись» к великой реке). Если сойти с дороги вправо метров на 20-50, выйдешь на узкую полосу смешанного леса, расположенную на самой границе этой моренной гряды. Здесь в грибную пору всегда можно встретить «лиственничков» – белые грибы, которые вылупляются из густого лиственного покрова. А всего в нескольких метрах от этих березовых полосок простирается моховой ковер с торчащим из него березняком и ольховником. И, кстати, во мхах иногда вылезают в сентябре черноголовые подберезовики.

...Грибники бывают всякие, есть как ящерицы-пронеры — шныряют везде и всюду, да все с пустыми руками. Есть как иволги-нелюдимы — им бы только забиться в глухие синие заросли, подальше от человеческих голосов. Есть лягушки-посакашки — прыгающие по болотным кочкам за моховиками. Есть олени — почитатели привольных цветущих полей; тюлени, которым лишь бы поваляться, позагорать на травушке-муравушке. Тут и завидущие, тут и загребущие, и злостные хулиганы — вредители зеленых деревьев. И просто азартные любители, что не в силах одолеть свою страсть. Есть и вовсе «неразберихи»: они хотят сразу — настрелять дичи, наловить рыбы, нарвать грибов, насобирать ягод.

Но имеется и категория тихоходов — подражатели улиткам. Улитки не шныряют, как ящерицы, не прыгают, как лягушки, а всегда с добычей. Поспел ли где боровик — они уже на боровике, улитки все знают, все понимают.

Петр Сигунов

*Кончается лето
и кружатся пары
и листья ложатся
на скаты на фары
а солнце прощальное
все еще греет
и гриб мой в лесу
дожидается млеет
и млечные грузди
взбираются в кузов
и нет больше грусти
и нет больше грузов
30 августа 2001*

"ОСТРОВА В ОКЕАНЕ"

Черноголовики на кочках – «телехит» сезона – новичок и бывалый – «грибная сказка» в эфире

Однажды мне вспомнилось название этой книги Хемингуэя при странном стечении обстоятельств. Переправившись через канал на пароме, я пошел в сторону Домкино (это поселок в Конаковском районе), подбирая по пути немногочисленные сентябрьские грибы. Было сыро и не очень приветливо в лесу. Грибы попадались редко, даже на самых лучших местах. Недалеко от Домкино, за лугами, есть небольшой лесок в низине. Грибов там не бывало сроду. Но раз уж я там оказался, решил зайти, посмотреть. Все было залито водой, моховые кочки возвышались, как острова в океане. И почти на каждой кочке... из мха торчали черные шляпки крепких мясистых подберезовиков на длинных крапчатых ножках. Когда набредаешь на урожайные грибные места, душа поет и требует своего озвучания. Тогда я чаще всего вспоминаю ту самую песню Суханова на стихи Шелли: "Когда лютня упала, струна звенит все слабей. Когда речь отзвучала, бледнеет память о ней...". Здесь же, переполненный счастьем неожиданных находок, переходил от кочки к кочке, запускал руку поглубже в мягкий мох, подрезал грибные ножки и мурлыкал на какой-то несуразный мотив: "Острова в океане, острова в океане...".

Довольно много лет прошло с тех пор, и познакомился я с новым другом. На поприще новой профессии. Давно известно, что настоящая дружба на всю жизнь завязывается обычно в "нежном возрасте". Здесь все получилось наоборот.

Когда на дубненском телеканале, куда я пришел из газеты, начались встречи в прямом эфире по понедельникам, именно Вадим Витчинкин был горячим их сторонником. Я пригласил его к нам на ДТВ работать режиссером, а до этого он с двумя высшими образованиями (ГИТИС – актерское и ВГИК – режиссерское) мотался с камерой в "Студии Семь", у наших конкурентов по эфиру, как оператор.... Он как никто понимал, каким мощным оружием станет прямой эфир в конкурентной борьбе двух телекомпаний. Он же вооружил ДТВ концепцией "домашнего" телевидения, которое не врывается в дом компьютерным мусором и музыкальной вакханалией, а мягко и по-доброму приходит как друг дома, приятель, понимающий собеседник. Мне и моим

коллегам тоже весьма импонировало делать домашнее, интеллигентное телевидение, достойное Дубны.

Наша притирка, если так можно назвать первые дни совместной работы, такую вряд ли и была. Мои коллеги приняли Вадима безоговорочно и сразу поверили, что его опыт, профессиональная мудрость с успехом послужат общему делу. Что до меня – так именно такого человека мне не хватало с самых первых апрельских дней 1993 года, когда я взвалил на себя совершенно неподъемный, казалось, груз новых забот и обязанностей. Мне как газетчику очень не хватало образного восприятия материала, не хватало эдакого внутреннего таймера, чтобы определить формат и жанр материала, который предстоит снимать и монтировать. Все это было у Вадима. Так что мой газетный опыт, знание дубненской жизни а, главное, понимание некоторой островной специфики, присущей старожилам, в сочетании с теми качествами, которые были у Вадима, образовали прочный тандем.

Он умел просто, на пальцах, объяснить самые сложные нюансы работы. Для этого ему хватало клочка бумаги и карандаша. Он рисовал несколько кружков и квадратиков и протягивал между ними "силовые линии": "Вот твой сюжет. У тебя есть это, это и это. Не забалтывай картинку! Лучше оставь в кадре синхроны - они дают ощущение достоверности, сиюминутности события. Не растекайся мыслью по древу. Выстрой образный ряд, и ты увидишь, что текст легко ему подчинится. Лучше, если ты оставишь себе для ориентира вообще одну мысль...".

В нем была убежденность и убедительность, каких нет ни в одном из учебников, ни в одной из монографий известных теоретиков и практиков телевидения. Будучи на двухнедельной стажировке главных редакторов региональных телестудий в Останкино, я убедился, что, собственно, благодаря Вадиму мне там учиться уже практически нечему.

А сейчас, наконец, расскажу, как мы снимали с ним сюжет, после которого Дубна "встала на уши".

– Евгений (именно так он чаще всего обращался ко мне) – что-то "бабье лето" нынче затянулось...

– Да, и за грибками хочется... Знаешь, какие в этом году черноголовые подберезовики растут? Я такого урожая и не помню!

– Так в чем же дело? Завтра и поедем. Только давай сразу договоримся насчет конференса (это он так ролевые образы ведущих определял). Я – новичок. Ну, полный чайник. О грибах совсем ничего не знаю. А ты – бывалый грибник. И ты мне все по ходу дела объяснишь – как они растут, какие надо брать грибы и что с ними потом делать. Договорились?

Мы ударили по рукам и стали собираться...

Корзинка у высокого и солидного Вадюши была... прямо скажем, под стать Красной Шапочке – маленькая и кругленькая. Моя – на два ведра. Отец такую корзину называл бельевой. Когда было много грибов в лесу, он так и говорил: "Сегодня с бельевой корзиной пойду". Она сейчас у нас на даче – для лука, для картошки... И для грибов, конечно, в первую очередь. Вообще, корзину наши предки не зря изобрели.

Оператор, он же водитель Саша Смыковский свернул с шоссе на проселочную дорогу и припарковал наш редакционный "Москвич" на маленькой лужайке. Достал камеру, дал мне микрофон. В лесу мы им пользоваться будем редко – синхронные диалоги оператор запишет на встроенный в камеру микрофон. "Саша, снимай по возможности в монтажных

планах, чтобы потом меньше работы было, – сказал Вадюша. – Камера – на говорящего, уход на лесной ландшафт. На второго говорящего. Потом замузычим". И мы пошли: высокий Вадим в куртке, коротких сапогах, я в любимой брезентовой штормовке, которую привез в 1987 году из Владивостока, и скатанных болотных сапогах, оба в бейсболках с эмблемой ДТВ, которых в свое время наш директор Саша Аверкиев заказал в Москве несколько десятков. У Вадима кепка красная, у меня зеленая.

"Новичок" и "бывалый" так и не вышли из отведенных им ролей. Ненаигранное детское удивление Вадима, начиная от первого взгляда в кадре на мою огромную корзину: "Неужто наберем?" – "И не сомневайся! Знаешь, сколько в этом году грибов?" – в сочетании с моим уверенным апломбом потомственного грибника-аборигена придало сюжету не только атмосферу подлинности, но и сделало его в глазах зрителей хитом сезона. А какой заразительно светлой была радость Вадюши, когда он счищал лесной мусор с очередного черноголовика и аккуратно укладывал его в корзину. А потом, оглядевшись, вопил, словно забыв о камере: "А вон рядом еще стоит! И еще!! И еще!!!". И так – почти все сорок экранных минут настоящей, подлинной, грибной и лесной сказки.

После выпуска программы нас стали узнавать на улицах: "Это не вы грибы собирали?".

Конечно, мы просчитывали эффект "попадания", но на такую популярность не рассчитывали. Наши "грибы" в записи несколько лет крутились, и даже в совершенно не грибные годы, на дубненском телеканале, что порой несколько смущало аудиторию, не обращавшую внимания на титры, в которых ясно значилось: 24 сентября 1994 года. Да и надо признаться, такого урожая черноголовых подберезовиков больше не было.

Году в 97-м у меня появится старенький 968-й "Запорожец", на котором ездили сначала мой тесть, а потом свояк Миша Кулюкин, и мы с Вадимом не раз, пока он относительно здоров, съездим по грибы. Уже без камеры, а так, для удовольствия. Потом, с чуть большим комфортом, на старенькой "пятерке". – "Евгений, машина класс! И как же ты научился так лихо водить!". Все и всегда им сказанное было абсолютно искренне. Хотя и несколько преувеличено в силу профессии. Но грело душу.

Но как выйдешь из леса, когда грибы не перебраны. Это уже почти священнодействие... Из глубины корзины, из самых ее недр извлекаются лесные клады — белые. Ряд за рядом расстлавливает их сверху грибник, выставляя напоказ вознаграждение за сметливость. Не судите его строго – делается это не для похвальбы, а из уважения к белым...

Александр Стрижев

*Воспоминанья нас ведут туда,
Где плесы лижет волжская вода,
Где летний дождь сухую пыль лизнет
И запах детства невзначай вернет...*
2007

И ФИЗИКИ, И ГРИБНИКИ

*На катере до Коровинского – автобус на Дмитрову Гору – леса моей юности –
грибное лето 67-го*

Задумался: а как лучше, точнее – как в заголовке? Или физики-грибники? Или грибники-физики? Если физики-грибники то, по логике, все физики – грибники. Тогда грибники-физики будет вернее. Оставим, как есть: и-и. Хотя... В 2002 году вышел в Дубне поэтический сборник «Физики – лирики», в котором впервые появились и мои стихи. По аналогии можно было бы так же и сформулировать: физики – грибники. Через тире.

Когда по нашему Иваньковскому водохранилищу (Московскому морю) ходил рейсовый катер, поход за грибами совмещался с настоящим речным путешествием. Лесистые берега в сентябрьскую грибную пору окрашивались золотом и багрянцем. Неспешный МО («Московский охотник») шел от острова к острову и от залива к заливу, где пристанями часто служили старые подтопленные баржи, оставляя и подбирая группки грибников, сельчан, дачников (последних в те времена, когда катера еще ходили, было меньшинство).

В Коровинском заливе высаживалась основная группа грибников, которые рассыпались-рассеивались по окрестным лесам. Там было куда рассеиваться, и каждого поджидали свои грибные места. В лесу мы, как правило, не встречались. И тут есть свои тонкости, своя «терра инкогнита», своя, если хотите, область исследований... Юрий Андреевич Музыкачка занимается в миру теоретической ядерной физикой, работал с легендарным Флеровым, а теперь продолжает трудиться в той же лаборатории ядерных реакций имени Г. Н. Флерова. Мне кажется, природная любознательность и всенепременная исследовательская жилка постоянно перемещают его в разных пространствах нашего острова под названием Дубна и окрестностям, богатым грибами-ягодами.

Супруги Карамян тоже часто оказывались на борту этого воскресного катера, и тоже всегда возвращались, обойдя свои заповедные территории, с хорошей добычей. Сергей, как его все звали в лаборатории (Саркис Аршавинович по паспорту) – коллега Музыкачки. Вообще в этой лаборатории работает на редкость многовалентный коллектив – Флеров по себе людей подпирал. И друзья мои Георгий Гульбекян, Борис Гикал, Юрий Тетерев из той же лаборатории. Но это уже мое поколение, помоложе...

Что же касается Флерова, к его 95-летию в издательстве «Этерна» вышла книжка «Георгий Флеров. Ученый, творец, первопроходец». И в ней есть воспоминания сына Николая: « На даче мы жили обычно с мая по ноябрь. Отец проводил здесь, в основном, только часть отпуска, а также все выходные и праздничные дни... Как правило, общие хозяйственные хлопоты продолжались до обеда, а дальше все занимались своими делами. Георгий Николаевич много читал, гулял по поселку, иногда заглядывал к соседям. Устраивались походы в лес, по грибы и ягоды, а вечером за общим столом возникали беседы и споры на

самые разные темы». Так что и великие мира сего находили отдохновение от трудов праведных в прогулках за грибами.

Один из сподвижников ГН, механик Василий Максимович Плотко, заядлый, кстати, грибник, подсмотрел, как паук в лесу плетет свою паутину, и сделал изобретение. Помню, как я удивился, когда читал в нашей газете его название: «бронзовая рамка для транспортирования графитовых фольг, армированная нитью паука». Мне это было совсем непонятно. Причем здесь нить паука? Дотошность газетчика заставила позвонить в патентный отдел, и там мне объяснили, что никакой ошибки нет, а коллеги Максимыча поведали историю изобретения. Для того, чтобы сделать сверхтонкую и достаточно прочную графитовую фольгу для «обдирки» ионного пучка от ускорителя, то есть придания ускоренным ионам положительного заряда, графитовый порошок рассыпают по поверхности воды и он образует тонкую пленку. И главная сложность задачи заключается в том, чтобы эту самую пленку водрузить на рамку, которую надо поставить на пучок. Каких только материалов не перепробовал мастер, пока, наконец, не пришла в голову спасительная идея – паутинка! Нить паука! Именно ею армировал он рамку, и подложка для фольги была готова...

Мне кажется, такие рассказы о тонкой связи между работой и увлечениями, их взаимосвязи и плавном перетекании одного в другое можно продолжать до бесконечности. И даже делать далеко идущие выводы, основываясь на размышлениях примерно такого характера. А если бы Максимыч не любил настолько лес и не обратил внимание на паучье творчество, то, получается, ведущая в мире лаборатория, в которой синтезировано столько новых элементов таблицы Менделеева, осталась бы без такого важного изобретения и ученые зашли бы в тупик? И не подошли бы вплотную к «острову стабильности» – предсказанной теоретиками группе сверхтяжелых химических элементов, которые, в отличие от быстро распадающихся их аналогов, могут жить довольно долгое по ядерным меркам время? Впрочем, не будем опоясывать этот строгий мир подобными предположениями. Конечно, нашлись бы другие пути решения задачи. Но не таким исключительным способом, сэкономившим время в острой конкурентной борьбе с зарубежными лабораториями.

Ограничусь, однако, еще одним примером, вполне достоверным, поскольку «папы этого рецепт» уже описан в книге – воспоминаниях о члене-корреспонденте АН СССР Николай Николаевиче Говоруне, которые мне также довелось редактировать. Н. Н. Говорун был одним из основателей, вместе с членкором Михаилом Григорьевичем Мещеряковым лаборатории вычислительной техники и автоматизации ОИЯИ, а после МГ ее директором, создателем современной информационно-вычислительной инфраструктуры дубненского института. «Походы за грибами были частью семейных традиций и засолить на зиму бочонок грибов – было обычным делом, – пишет сын Николай. – Причем у Марии Антоновны мама Николая Николаевича – Е.М.) засоленные грибы получались такими вкусными, что даже те, кто в принципе не ел соленых грибов, попробовав один раз, просили добавку и спрашивали рецепт засолки. Главным грибником был отец, который ходил по лесу очень быстро, покрывал большие расстояния и собирал больше всех, пока я не подрос и не составил ему конкуренцию (пользуясь той же технологией)».

С Говорунами – Николаем Николаевичем и Раисой Дмитриевной дружили семьями Никитские – Юрий Дмитриевич и Юлия Евгеньевна. В

воспоминаниях о друге Никитский приводит такой эпизод: «Начало октября, всей семьей едем за канал на Конаковскую дорогу – сказали, там много солюшек. Бродим, кое-что попадает, но не густо. Пошёл дождь, переходящий в снег. Холодно! Собираемся домой, хотя корзинки и не полные. НН отказывается ехать: “Ещё не набрали, а уже домой!”. С нами была и Лена, младшая дочь, она совсем замерзла. Принимаем решение – женщины и дети – домой, я за рулём. НН остается, я за ним вернусь. Доехали до дома, возвращаюсь за канал. В километре от него парома навстречу идёт НН, мокрый и озябший, но с полной корзинкой чёрных груздей («Я должен выполнить своё задание!»)».

...Вернемся в Коровинский залив. С небольшой корзиночкой сходил на причал Валентин Иванович Приходько – известный в Дубне специалист по ядерной электронике – из той же лаборатории, которой руководил Н. Н. Говорун. И с нею же, но всегда наполненной отборными белыми грибами, поднимался по трапу обратно. Очевидно, имея дело с тончайшими элементами приборной базы, он интуитивно переносил свой профессиональный опыт и на сбор грибов, скрупулезно подбирая экземпляр к экземпляру. Я переводил взгляд с его лукошка на свою большую корзину, заполненную как белыми, подберезовиками, так и разнообразными солюшками, и ощущал разницу. И проза-то моя эклектична...

Музычки соседствуют по дому с Шириковыми и Астаховыми, тоже заядлыми грибниками, регулярно обмениваются новостями с грибных фронтов, но места, заметьте, у каждой семьи свои. Это дело святое... И здесь самое время и место для обширной цитаты. – Из Ширикова, который в 2006 году издал в Дубне свое «Избранное», куда вошел его рассказ «О грибах». Владислав Павлович – доктор физико-математических наук, специалист по системному математическому обеспечению ЭВМ и другим премудростям того направления, которое сегодня во многом определяет научно-технический прогресс, то есть информационных технологий, если проще, IT. Супруга его и постоянная спутница по лесным блужданиям Нэлля Юльяновна, кандидат физико-математических наук. Шириковы – давние друзья Кулюкиных, моих дубненских родственников. Если суммировать все время, проведенное ими вместе в окрестных лесах, то, наверное, наберется целая человеческая жизнь, и не одна... Покойный Михал Михалыч Кулюкин, отец моего свояка, Михал Михалыча второго, тоже имел свою теорию произрастания грибных тел. В его представлении это была «взрывная теория»: то есть грибные тела «выстреливают» из почвы почти мгновенно, чаще всего по ночам. «Вечером дожди – утром грибов жди». Потому и стараются грибники придти на свои места с рассветом, чтобы быть первыми, – «кто рано встает, тот грибы всегда берет, а сонливый да ленивый ходит после за крапивой». Под Дмитровой Горой у МихМиха были свои грибницы, которые он обходил тщательно и внимательно. Итак, Шириков, «О грибах»...

Когда я в конце августа вернулся из отпуска, то обнаружил, что основные темы непроизводительных разговоров в Институте следующие:

- 1) кто как провел отпуск;
- 2) события, связанные с международной конференцией (появление датского сыра, немецких плавок и дивных польских кофточек, вязанных английской резинкой);
- 3) грибы.

О грибах говорили все. Рассказывали страшные вещи: кто-то под Дмитровой Горой зараз набрал 127 белых; кто-то приволок домой две корзины подосиновиков, да еще ругался

черными словами, что не прихватил с собой мешок. И не верить-то нельзя было: я сам видел Х., который уже третий день маялся животом, объевшись свинух.

В ближайшую субботу жена послала меня за старыми банками в сарай, за корицей в магазин и за камнем на Волгу. Как выяснилось, все это совершенно необходимо для засолки грибов. В воскресенье за нами зашел Астахов, знавший какие-то заповедные места за каналом. «Не тот уже белый гриб теперь, не тот... Опенок его перешиб», – сказали на пароме. Ну, не тот так не тот, наберем подосиновиков. Заповедные места оказались в кустах у причала. «Что-то не то, – сказал я. – Пошли дальше». – «Гриб нужно искать так, как будто ты в этом месте ключ от квартиры потерял, а запасного нет!» – пояснил Астахов и остался ползать вокруг знакомых ему кочек. Через два часа выяснилось, что ползал он не зря. «У-у, Шириков!» – сказала жена, глядя на четыре астаховских подосиновика, и я удивился, что мою фамилию можно произнести с такими обилием шипящих звуков.

Вечером, когда мы возвращались домой, я шел сзади, а утром в понедельник кофе мне пришлось варить самому.

Теперь, если припрет, пойду на площадку (помните, куда водил нас Ш. на занятиях по ПВО, к бомбоубежищу?) и наберу опят. Ведь отличнейший же гриб!

Не в рабочее время, конечно, пойду.

Вот он, наш грибной менталитет! Да еще в сочетании с немалой долей самоиронии, неуловимых примет времени, не говоря уже о географических привязках, вызывающих у посвященных множественные ассоциации по тождественным признакам.

По рассказам Володи Василевского (художник, работает в Университете «Дубна», у которого в бору, на этюдах, грибы-дождевики выросли "прямо на глазах", об этом ниже – поподробнее), наше любимое когда-то Федоровское, окруженное грибными лесами, перестало быть грибной меккой, потому что все побережье залива распродано по клочкам и стало частными владениями. А через них к лесам не доберешься. Не это ли ждет в ближайшие времена леса, прилегающие к берегам Дубны, где я кружу с корзиной последние 15-20 лет?.. Но об этих лесах – в свое время и на своем месте. А пока вспомним о других маршрутах «за каналом»...

В юности я узнал эти территории, почти как «ближний лес» на Большой Волге в детстве. Сходил с паромом и переходил на правую сторону шоссе, ведущего через Дмитрову Гору к городу Конаково. Как всегда, срабатывали верные приметы: «уголки», белые поганки, опушки, прогретые солнцем, открытые теплым дождем, приграничные полосы вдоль вырубок линий электропередач. Так, петляя от одного места к другому и выходя кое-где на берег первого залива (в засушливые годы грибы вылезали именно по берегам, увлажненным утренними росами), выходил к полям у деревни Домкино. А надо сказать, что и Домкино, и Дмитрова Гора, и Конаково приросли в свое время домами, перенесенными в 30-е годы прошлого века во время строительства канала имени Москвы с территории затопленного города Корчева. Они существенно отличаются от своих поздних соседей своеобразными резными фронтонами над крышей и старинными наличниками на окнах. На краю леса в те годы рос можжевельник, на некоторых кустах синели жесткие сладковатые ягоды с духовитым ароматом свежей хвои. А на обратном пути я утолял жажду спелыми гроздьями рябины.

В 1967-м, необыкновенно грибном году почти каждый день выходил я на этот маршрут. Такого обилия белых, подосиновиков потом не случалось долго. Самые красивые грибы я раскладывал дома на подоконнике и запечатлевал на память с помощью «Смены-6». Особенно хороши были белые грибы, срезанные под березами на кочках, поросших жесткой осокой, прямо у шоссе, ведущего в

сторону Второго залива. Их приходилось буквально нащупывать в высокой траве, ползая вокруг березы на коленях.

В том же самом урожайном на моей памяти году даже в ближнем лесу на Большой Волге белые вылезали на самых неожиданных местах, например, в сосновых лесопосадках, которые начинались прямо от городских кварталов и шли до братских могил и зеленой лужайки, где мы мальчишками гоняли футбол. Кстати, именно там, на краю этой лужайки, на детсадовской прогулке я и нашел свои первые два белых гриба. А в 67-м только что кончил школу и, недобрав балл на вступительных экзаменах на журфак МГУ, отдыхал от зубрежки в лесах. Над порослью молоденьких сосенок кое-где возвышались, как великаны среди лилипутов, старые осины и ели. А под ними из высокого мха торчали светлые шляпки. Запустишь руку глубоко в моховой покров и вывинчиваешь из него длинную плотную белую ножку...

...Если на рыжики случался неурожай, то нарастали грузди, или полугрузди, или кубари, если же не было и этих, то уж волнухи-то обязательно осенью появлялись. На худой конец, можно было насолить белянок и солодяг, которые по сравнению с рыжиками считались чуть ли не поганками.

На сушку в достатке заготавливали маслята (белые росли не везде). Их же в разгар лета собирали на жаренину, обдирали коричневую кожуцу и томили на таганке. “Не дороги обабки, а дороги прикладки”, — говорит пословица. Сушили их в нежаркой печи, затем нанизывали на суровую нить и подвешивали под матицу или сыпали в деревянную дупельку. Аромат от этих грибов признавал и любил не каждый, как не каждый мог свободно, в любое время ступить в поскотину с грибной корзиной. Собирали грибы дети, старики и убогие, остальные делали это только попутно, урывками, а иной раз тайком...

Василий Белов.

*События детства не вернуть,
И даже память пролагает путь
По тропкам, так заросшим в новом веке,
Что надо, отрешась, прикрыв плотнее веки,
Почувствовать "пылинку дальних стран",
Что "на ножке карманном» мнилась нам...
2007*

И ФИЗИКИ, И ГРИБНИКИ (продолжение)

*В Протвино любят зонтичный гриб – встречи с коллегами в Польше,
Швейцарии, Чехии – делимся рецептами*

Апокрифическими стали многие грибные сценки, сюжеты, которыми я с удовольствием делился с такими, как и сам, любителями тихой охоты. Особенно в этом плане плодотворными были беседы с Юрием Андреевичем Музычкой, неистощимым на всякие лесные истории.

Вот, помню, еще в 70-е годы поехал я в командировку в Протвино. Написал свой первый "научный репортаж" о том, как на крупнейшем советском ускорителе физики ОИЯИ готовили к экспериментам установку РИСК - Релятивистскую Ионизационную Стримерную Камеру. Руководил этими работами молодой тогда и, как говорили его коллеги, талантливый физик Валентин Иванович Петрухин – Царствие ему Небесное! Когда началась перестройка, он занялся какой-то коммерцией, чтобы заработать деньги – не для себя, обратите внимание! – а для того, чтобы кто-то из известных советских режиссеров имел возможность снять фильм. То ли Тарковский, правда, в то время не советский уже, то ли Михалков. Скорее, Тарковский – он был Валентину, мне думается, по характеру ближе. В недавней автобиографической книге Владимира Войновича "Автопортрет. Роман моей жизни" нашел воспоминания о Петрухине, с которым писатель был одно время очень дружен. И вот что-то не сложилось с коммерцией, и Петрухин ушел из жизни. Все, кто его знал, очень жалели коллегу. А тогда, в Протвино, в 1976 году ничто еще не предвещало трагедии...

На два дня вместе с физиками я впрягся в работу, помогал им, чем мог. Таскал тяжеленные железные кирпичи и складывал блоки защиты в экспериментальном корпусе, старательно вслушиваясь при этом в "физический" треп, столь характерный для людей, объединенных одним делом, и совершенно непонятный для посторонних... Записывал на свой новенький диктофон интервью, в том числе и в кабинете заместителя директора ИФВЭ – Виктора Ярбы, который двадцатью годами позже уедет со всем семейством в Америку.

Территория протвинского института даже гуще, чем наша в Дубне, залесена-заселена огромными корабельными соснами. Там вообще климат лучше, чем в Дубне, окруженной болотами, – сказывается близость Окско-Террасного заповедника, близость Тарусы, в которой я мечтаю побывать с самой ранней юности, когда зачитывался Константином Георгиевичем Паустовским. Пушино тоже неподалеку – там я побываю лет десять спустя и напишу о Биоцентре...

В первый же вечер в гостиничном ресторане, прихлебывая густой темный портер с маркой "Дипломат" (пиво было то еще, чешское, дефицит страшный!) мы говорили вообще за жизнь. И уж не помню как, но разговор зашел о грибах... и о французах, которые чуть раньше работали здесь, сначала

монтируя на пучке ускорителя свою гигантскую по тем временам пузырьковую камеру с красивым именем "Мирабель", а потом проводя на ней измерения.

В Протвино почему-то вспоминались строчки Андрея Вознесенского: «Люблю я Дубну. Там мои друзья, березы там растут сквозь тротуары...». Правда, чаще сосны, чем березы, поправлю я классика, заботливо обойденные асфальтом, умиляют здесь приезжих московских дачников. А в Протвино, даже не выходя из города, можно встретить зонтичный гриб, который любит высокие сухие хвойные леса. Но местное население всегда относилось к ним с некоторым пренебрежением, хотя физики, продвинутые во всем, в том числе, как мы еще не раз убедимся, в особенностях тихой охоты, знали о вполне съедобных свойствах этого гриба. Все-таки некоторое пренебрежение, вызванное, наверное, внешней схожестью зонтика с мухомором, оставалось.

И здесь французы сыграли свою роль. Как-то они пригласили своих советских коллег на вечеринку и угостили их... зонтиками собственного приготовления. Каждую плоскую шляпку гриба они обработали, как мясной бифштекс, и обжарили в масле на сковородке. Впечатление осталось незабываемое! С тех пор и я нет-нет да и прихвачу в нашем дубненском лесу, как правило, в одном и том же месте, высоком и сухом, несколько плоских шляпок и зажарю каждую, как бифштекс. Неподражаемый грибной вкус, слегка отдающий хвоей, и хрустящая корочка! Вот такую добрую память о себе оставили французские гурманы сначала в Протвино, а потом и в Дубне, где я не раз угощал приятелей зонтичным грибом а ля «Мирабель».

После Протвино судьба не раз забрасывала меня в разные научные центры. Например, в Варшаву, Лабораторию тяжелых ионов при университете. Здесь встретились физики из институтов Кракова, Сверка, Кельц, Катовице, Лодзи, часто бывают гости из Киева, Санкт-Петербурга, финского Ювяскюля, из Швеции. Несколько исследовательских групп и 150 ученых работают на пучках польского циклотрона. Из немецкого Юлиха поставили на ускоритель электронику, а системы контроля поляки смонтировали сами, есть сцинтилляторы из Норвегии и Сверка, детектор из Гетеборга... Обычная физика, не знающая границ, ибо, как писал Чехов, национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения. Кстати, Антон Павлович тоже был не чужд... Я имею в виду главную тему, генеральную нашу линию. Константин Паустовский в рассказе "Исаак Левитан" пишет: "Семья Чеховых была талантливой, шумной и насмешливой. Дурачествам не было конца. Каждый пустяк, даже ловля карасей или прогулка в лес по грибы, разрастался в веселое событие».

В разгар беседы с польскими ускорительщиками в кабинете появляется человек с очень знакомым «дубненским» лицом и бросается в объятия Туманова, дубненского «короля» научного фоторепортажа:

– Юра! Ты живой!

– Да и ты особо не изменился, даже помолодел без бороды...

Не сразу, но узнаю: это же доктор Юзеф Сура, который много лет провел в Дубне, в лаборатории ядерных реакций, специалист по физике и технике ускорителей. Человек многогранный и интересный, он играл заметную роль в культурной жизни польского землячества в Дубне в те годы, когда это землячество превосходило по численности самые многочисленные ныне грузинское и армянское... Мы встретимся вечером в нашей столовой и успеем

вдоволь наговориться "за жизнь", а пока Юзеф вместе с профессором Ковнацким сопровождает нас по лаборатории – от пульта управления ускорителем – в циклотронный зал, в экспериментальный павильон, в помещение с ESR-источником, в подземелье с лазерным спектрометром...

Вечером за рюмкой «выборовой» многое вспомним. Юзеф сейчас большую часть года живет в Сицилии, он вторым браком женился на коллежанке из Италии и перебрался туда на ПМЖ. Досуг проводит в поисках грибов на сицилийских холмах. Собирает только белые на своих любимых местечках. Кстати, знаменитая итальянская пицца редко когда обходится без грибов. Попадались ему и трюфели.

Конечно, особь статья – поездки в ЦЕРН. Тема отдельная, но к этим заметкам имеющая отношение в силу превратностей профессиональной судьбы, которая складывается как-то сама собой, выкидывая иногда неожиданные и приятные фортели. Командировки образовались из нашей обоюдной исторически сложившейся приязни с Игорем Голутвиным, чья профессиональная деятельность в разные времена вдохновляла меня на довольно приличные и объемные материалы. Мне всегда нравилась команда, которую ему удалось сколотить из физиков, инженеров, электронщиков для оперативного включения в эксперименты по физике частиц со своим собственным вкладом. А для этого в течение многих лет разрабатывалась инженерно-технологическая база, оттачивалось мастерство людей, участвовавших в создании самых современных пропорциональных камер для исследований по физике частиц... Сейчас этот коллектив занимает хорошие позиции в эксперименте "Компактный мюонный соленоид" на Большом адронном коллайдере в ЦЕРН, и Голутвин, несмотря на немалый по современным для руководителей меркам возраст, по-прежнему у руля. Он и пригласил меня в ЦЕРН, где я включился в работу по подготовке к изданию рукописи об участии специалистов Дубны, России и других стран-участниц ОИЯИ в экспериментах на новом коллайдере ЦЕРН, рекордном по энергиям, светимости и Бог знает чему еще. Книгу назвали «В глубь материи». Всеобъемлющее название, вполне может подойти и к нашей теме.

Из всех очевидных перечисленных выше достоинств Голутвина особенно мне (по-человечески) близка и понятна его заядлая любовь к сбору белых грибов. На своей машине он ездил куда-то в район Стоянцев в Тверской губернии, а еще любит собирать грибы близ своей подмосковной дачи. О чем немало и с удовольствием мне рассказывал. Его молодые коллеги в ЦЕРН в грибную пору поднимались на склоны горного массива Юра (или Жура), расположенного к западу от Женевы, и оттягивались от своих экспериментально-монтажных буден сбором крепких боровиков, чем-то напоминающих своих собратьев, которые мне попадались в крымском дубовом мелколесье. Некоторые даже пытались увезти банки с этими маринованными грибами домой в Дубну. По дороге «на работу», а было это в августе, мне тоже попадались вполне съедобные грибы, напоминающие моховиков или польских белых. Они вылезали на моих глазах прямо на лесополосе, отделяющей тротуар от шоссе. В одном из своих электронных писем домой я писал из Женевы: «Жары у нас, слава Богу, еще нет, ночи прохладные, иногда перепадают дожди, на работу хожу пешком и с наслаждением впитываю альпийский воздух. В посадках вдоль шоссе растут грибы – нечто среднее между моховиками и польскими белыми. Они мне уже как друзья и я с ними здороваюсь по пути.

Стареют быстро, правда. Пшеница уже почти налилась, и на золотом ее фоне – алые альпийские маки. Горчица, опять же, заколосилась, которая на мох глазах пережила и ноябрь, и март...».

...Как-то пражанин Антонин Яната – не только талантливый конструктор, немало времени проведенный все в той же Женеве, а еще больше в Дубне, – но и наш «культурный хроникер», можно сказать, колумнист, неутомимый ходок по концертам и ездок по экскурсиям, заядлый меломан и любитель старины глубокой, клером (русскими словами на латинице) в письме своем из Праги – запросил рецепт соленья грибов по-русски. Ну, не чудеса ли? Ответ прилагаю.

Дорогой Антонин! Рецепт мой очень приблизительный. Тебе нужно иметь, кроме грибов, листья черной смородины, можно даже с черенками, листья хрена, зубчики чеснока, соцветия укропа.

Грибы отвариваешь и оставляешь их в собственном бульоне до полного охлаждения. Потом достаешь их руками (2-3 горсти) и перемешиваешь в глубокой миске вместе с солью, укропом, чесноком. На это количество грибов – полторы-две столовых ложки соли. В специально подготовленную (лучше эмалированную) кастрюлю выкладываешь на дно листья черной смородины и хрена. И сюда порциями выкладываешь грибы, перемешанные с солью и специями. В довершение сего сверху укладываешь листья черной смородины и хрена. Закрываешь марлей, покрываешь тарелкой и ставишь гнет, так чтобы эта тарелка была полностью покрыта рассолом. Хранить в прохладном месте. Со временем поверхность будет покрываться плесенью, ее надо снимать, а марлю отжимать и споласкивать. Но можно через некоторое время (от двух до четырех-шести недель) герметично закрывать грибы в банках. Желаю удачи!

А вместе с Антонином – всем любителям сбора, приготовления и поедания грибов! И – дополним сказанное свидетельствами того, что тема эта неистощима, а произрастание грибов (в благоприятный сезон) – повсеместно.

Пока перебираешь грибы, вспомнишь о каждом, где нашел, как его увидел, как он рос под кустом или деревом. Еще раз переживешь радость от каждой находки, особенно если были находки редкие и счастливые. Еще раз проплывут перед глазами все картины грибного леса, все укромные лесные уголки, где теперь тебя нет, но где все так же хмурятся темные ели, все так же лопочут на своем языке тронутые багрянцем осины.

Владимир Солоухин

Причудливы пути, ведущие сюда,
Струится жизнь, как волжская вода...
И неразрывна связь судеб, времен,
Дерзаний, поисков, нам дорогих имен...
2007

ВДОЛЬ КАНАЛА

«Человеку свойственно ошиваться» – электричка в Мельдино и Темпы – на «торфяных грядках» – пар костей не ломит – пробираясь через завалы

С годами меняемся мы. Меняются и окружающие ландшафты. Соответственно меняются маршруты.

В одном московском издательстве бытовал анекдот. В рукописи, принятой к изданию, была ключевая фраза: «Человеку свойственно *ошиваться*», – которой автор очень дорожил. Он выделил ее жирным шрифтом и предупредил корректора и редактора, что *ни одна буква* не должна быть изменена. Каковы же были негодование автора, а тем паче изумление издательских работников, когда вышел тираж! И никто не мог понять, как произошло то, что произошло, – в книге значилось: «Человеку свойственно *ошибаться*»!

И мне свойственно *ошиваться*... в лесу. Иногда люблю просто побродить один с корзиной. С утра и до вечера. Однажды исходил, наверное, половину Конаковского района и вышел к деревне с красивым названием Пение (или Пеніё). Если бы не местные электрики, подбросившие меня до шоссе на узике по проселочным дорогам, ночевать бы мне в лесу... Что же касается этой деревни, то несколько лет спустя я случайно узнал, что в ней родился поэт Яков Шведов, автор слов известной песни «Орленок», с которым я познакомился еще совсем зеленым журналистом.

В другой раз отправился от Мельдино в сторону высоких лесов, куда мы нашей молодой ватагой ездили обычно на велосипедах. Решил произвести рекогносцировку на местности грибных угодий. Маршрут, как я и прикидывал, должен был принять форму треугольника, основание которого составил бы берег канала имени Москвы, а верхней точкой – те самые высокие леса, от которых я рассчитывал выйти старой заброшенной дорогой к каналу в районе станции Темпы. И все рассчитал правильно, не пользуясь никакими картами, просто однажды запомнив эту самую заброшенную дорогу, по краям которой довольно часто встречались семейки белых грибов.

Постепенно дорога, в незапамятные времена проложенная по высокой гриве, опускалась все ниже, пока не превратилась в топь. А вдалеке сквозь редкий ольшаник виднелся узкой кромкой высокий берег канала. Но вот беда, до этой кромки надо было еще добраться! И влево и вправо от меня, насколько было видно глазу (а зрением в молодые годы я отличался отменным!) простиралась полоса, залитая водой. Так что искать брод было бесполезно. Августовский день выдался знойным, тучами вились надо мной комары, и довольно ощутимым грузом отягощала корзина... И сигареты кончились, как назло! Тогда я сбросил короткие резиновые сапоги, снял штаны и начал штурм водной преграды. Я сделал это! Но когда выбрался на берег, натянул штаны и сапоги, понял, как устал. Пахнуло дымком от костра – невдалеке на берегу канала у палатки расположились на отдых косари. Они приветливо мне

помахали: подходи, мол, мужик, – угостили папироской и густыми щами с бараниной из дымящегося котелка. Никогда этих мужиков не забуду...

И был еще период, примерно, конца 70-х, когда, перебравшись на пароме от Мельдино на другой берег канала, уже не помню, по чьей наводке, поворачивал направо и шел вдоль берега канала до старой лесной дороги, которая вводила в глубь торфяников. Здесь на торфяных «грядках», затерянных в лабиринте глубоких рвов, отрытых, наверное, еще во времена строительства канала, обильно росли чернушки (подруздок черный), и, я, прыгая с грядки на грядку в тех местах, где позволяла ширина рва, довольно скоро набирал корзинку. Прыжки, правда, по мере утяжеления ноши, становились все короче. Выволакивая ведра два-три грибов, я начинал понимать сборщиков, которые в доиндустриальную эпоху вывозили из лесу свои трофеи на подводах. Подводу мне заменил вагон электрички.

Грузди, как известно, растут большими семьями, которые иногда называют «мостами». В нижегородской и некоторых других губерниях, где груздь настоящий растет обильно, его так и вывозили – на подводе к реке, сваливали в специально запруженный плотиной затончик, где грибы благополучно отмывались в проточной воде от лесного сора. А свои чернушки я сваливал в ванну и заливал водой, что примерно то же, если отрегулировать режим проточности...

Но этот, по моим скромным меркам, почти промышленный сбор мне вскоре надоел. Все же надо отварить, остудить, перемешать с солью и специями, заложить в бак под гнет и придумать, где хранить. Пропадала интрига поиска. С таким же успехом можно разводить грибы на грядках, что я и попытался сделать, заведя дачу. Один из моих друзей, Юра Тетерев, из той нашей послестуденческой дубненской ватаги, разбивший участок неподалеку в нашем товариществе под названием «Сатурн», как-то подкинул полмешка с мицелием вешенок, и я по всем правилам заложил будущий «урожай» ароматных грибов. Но то ли зима выдалась морозной и малоснежной, то ли что-то не так сделал, то ли мицелий попался не первой свежести, – не выросли у меня грибы на даче. Правда, пару раз по весне вокруг пересаженной мною елки, что разрослась на краю участка у дороги, вылезали десятка по полтора-два строчков. И однажды на краю нашей дачной канавы срезал с одного пня около ведра крепких молодых опят.

...А следом за невнятным названием Мельдино – поселок Темпы, обязанный своим именем эпопее создания канала Москва – Волга. Между этими двумя станциями электричка проносится мимо высоких смешанных лесов. Хорошими ориентирами здесь служат линии электропередач Мосэнерго, пересекающие леса в строго определенном направлении. Как-то холодным дождливым осенним днем мы с Толей Васильевым бродили здесь в поисках черных груздей – сначала почти безрезультатно, а потом, уже основательно промокнув и продрогнув в легких курточках, набрали на целые россыпи – «мосты» крепчайших грибов. Это были совсем не те хрупкие и тонкие чернушки-замарашки, что растут на торфяных «грядках», а увесистые и чистые, отмытые холодными струями дождя, с будто припудренными мелкими каплями влаги белыми или чуть желтоватыми пластинами. На радостях забыли о сырости и холоде, и только негнущиеся пальцы, едва удерживающие грибные ножи, совсем не подчинялись радостному ритму грибного азарта. Отогрелись мы только спорым ходом на обратном пути к платформе, да и в вагоне

электрички. С тех пор я очень внимательно отношусь к выбору одежды, памятуя о том, что пар костей не ломит.

В одной энной местности довелось бывать неоднократно. Она напоминала мне время армейской службы. А служил я в лесах, маскировавших зенитно-ракетный полк Московского округа ПВО. Теперь, думаю, об этом можно рассказать, потому что на форуме своих однополчан на одном из социальных сайтов нашел много свидетельств о том, как много изменилось всего в нынешней армии.

И теперь в неких лесах увидел я своими глазами то, что осталось от некогда могучего полка, одного из тех, что двумя всегда боеготовыми ожерельями-кольцами охватывали столицу нашей родины город-герой... ну и так далее.

Летом 2006 года совершил я марш-бросок через бывший зенитно-ракетный полк. Шел точно с севера на юг, преодолевая огромные завалы – последствия урагана 2005 года, который прошелся по этим краям, все круша на своем пути. Деревья местами лежали в три яруса, выше человеческого роста. Но это было буйство природы, необузданный гнев стихий. Еще более поразили меня на этом пути огромные воронки в глинистом грунте, глубиной метров до трех-четырёх, оставшиеся от стартовых столов. Когда-то здесь базировался ракетный дивизион, и теперь только полузаросшие дороги, по которым ползли когда-то мощные армейские тягачи, да рукотворные эти ямищи напоминали о былом блеске славы... И остатки «колючки» на полусгнивших столбах, ограждающей эту «терра инкогнита».

И ведь вот что показалось мне примечательным. Лет тридцать пять прошло после службы, и впервые попал я на территорию дивизиона, потому что в своем полку состоял в радиотехническом подразделении, а это уже совсем другая территория. Во время боевого дежурства мы с батарейцами не пересекались, встречались только в городке на полковом плацу на общих построениях и разводах.

И еще запомнился этот день несколькими синяками и ушибами, полученными при неоднократном падении с верхних ярусов лесных завалов, которые было невозможно обойти, – тянулись они на сотни метров – но тяжелая корзина из моих рук так ни разу и не выпала...

Вышел к московским дачам, километров за пять от машины. Вернулся к ней на попутке – добрые люди удивились моему слегка измученному виду и дальности машины, но я не подал и виду, что сегодня встретился со своей армейской юностью, оставшейся только в воспоминаниях. Материальных свидетельств теперь уже не существует. Доказано на опыте.

В лесу хорошо ходить всяко: ватагой – аукаться, собирая грибы, и петь под гитару у костра песни; вдвоем, когда локтем толкнешь спутника, и он без слов понимает общую радость. И одному – хорошо! Хорошо дышится, хорошо думается. Думается, между прочим, и о том, что вздор говорят и пишут люди, будто разбухшее на земле человечество переселится когда-нибудь на другие планеты. Опасный самообман! Нет человеку места нигде, кроме Земли. Никуда из этого голубовато-зеленого дома он не может переселиться. Тут, на Земле, и только на Земле, все его радости и печали.

Василий Песков

*"Не такое уж это болото..." –
Пусть же остров Надежды, Любви,
Веры, Мудрости – станет оплотом
Нам и детям – на многие дни...
Надпись на книге,
подаренной А.Н. Сисакяну, 2007.*

ВОКРУГ И РЯДОМ

Городские маслята – лесопосадки в Болшево – чернушки на грядках – навозник брать будем?

В центре города, прямо у стен нашей редакции растут маслята. Давно уже растут, около месяца. И вылезают все новенькие. Через неделю увеличиваются в размерах. Валентина Дмитриевна, служительница Музея истории науки и техники ОИЯИ, во время своего отпуска приходит сюда и собирает. Поэтому у меня для наблюдения остаются только три-четыре потаенных гриба, спрятавшихся в кустах сирени. Так далеко зашла грибница, которая, очевидно, питается от сосновых корней. Свои подопытные маслята храню в секрете. Домик наш офисный окружен старыми соснами, под которыми моховой покров и невысокая травка. Идеальные условия для маслят, плюс теплое влажное лето...

Сослуживец Валентины Дмитриевны Александр Расторгуев, с которым мы тоже соседствуем на Флерова, 6, словно в подтверждение моих наблюдений приводит на своем сайте «Литературный гульбарий» (Дубна, 2006), воспоминания своего давнего коллеги:

... Тогда придётся начать с самого начала, – сказал Мазный, посмотрел на молодую учёную, и глаза его потептели. Точнее, сначала глаза у него потептели, а потом он сказал. – Я приехал сюда летом 1966 года. Это было интересное время. Только что сменилось руководство страны, но в магазинах ещё всё было. Дубна была самым замечательным городом Земли. Улица 50-летия комсомола ещё ничем не кончалась, а на Чёрной речке росли белые грибы...

Мазный лирик. Он смотрит на Дубну через призму поэзии, призму музыки, призму любви, как сказал один из бардов 60-х годов. Но он же и учёный, и в его рассказах есть и поэзия, и проза, и фантазия, и факты, и наука, и производственная деятельность, и реальность, и мечты об идеальной реальности, и живое дыхание иных миров... В конце концов, белые грибы на Чёрной речке растут и сейчас, а этим летом, в самом центре города, можно сказать, прямо у крылечка Музея истории науки и техники ОИЯИ из-под земли вылезла дружная семейка маслят...

Еще одно независимое свидетельство в пользу того факта, что грибы в центре города таки растут...

Но вот и осень. На две конфорки кухонной плиты кладу по камушку, и газ под ними тихо горит и днем и ночью. Так-то вот согреваюсь...

Грибы того года остались на фотографиях: белые, подосиновики, подберезовики и даже мухоморы, а вот солюшки такого эстетического удовольствия не вызывают. Трудный объект для съемок. Наверное, волнушки бы получились красиво, но ведь нет их. Может, на недельке, в четверг, обещают потепление, пробегусь по березовым лесам за аэродромом. В июле-то там все было обобрано, и за белыми ходил через дремучие чащи, в сторону Волдыни. А вообще, благодаря новой "семерке", можно было бы и подальше махнуть, в какие-нибудь Стоянцы... Не к ночи будь сказано.

Где ж, знать, и из какой грибницы растут грибы, не ведая стыда? Нам, рожденным среди смешанных лесов Русской равнины, привычным к белым-подберезовикам-подосиновикам-рыжикам-груздям-волнушкам-маслятам-лисичкам-сыроежкам-белянкам-чернушкам-дублянкам-опятам и прочим хрустящим, ароматным, радующим глаз и вкус дарам природы, условно разделенным на категории от первой до третьей, как-то не... к лицу? по чину?.. словом, как-то не по профилю брать все грибы, даже определенные в справочниках как съедобные. О категории «условно съедобных» даже и заикаться не будем. Еще в детстве сбивали во дворе палками белые конусы обильно вылезавших в палисадниках навозников. Они же сейчас столь же дружно растут у забора моей дачи. И хотя считаются условно съедобными, кто ж их возьмет при наличии истинно благородных?

4 ноября 2008 года мы с Татой, Юлей и Никитой поехали в Ратмино. Так, погулять. А Ратмино, заметьте, это древний уголок Дубны, «откуда она (Дубна) есть пошла». Так вырубил на большом камне, установленном перед светлой и нарядной, всем миром воссозданной после упадка и разрушения, церковью Похвалы Пресвятой Богородице, местные краеведы.

День был хороший, теплый, даже слишком – относительно ко времени поздней осени. А накануне, встречая Тату на вокзале, увидел я Стасика Ищенко, своего бывшего коллегу, – он тоже встречал жену. Разговорились. Неделю назад гуляли Ищенки по ратминскому бору и набрали едва ли не корзину замечательных польских белых. Запало это мне в подкорку, потому что память, она избирательна. И предложил семейству погулять по бору. Именно 4-го, в день так называемого национального единения. Что за праздник выдумали? Бог им судья. Но для нас, и впрямь, день этот оказался праздничным.

Вошли мы в бор со стороны профилактория и, когда дошли почти до конца, Никита увидел первый гриб. И набрали мы их больше двух десятков, восторгаясь при каждой находке их крепостью и тонким, как бы смолистым запахом... Шляпки темнокоричневые, ножки у молодых на разрезе почти белые, мякоть сочная. Одна беда – очень трудно увидеть их на фоне опавшей листвы и даже в зеленом мху. Но больше всего восторгались мы тем, что случилось это 4 ноября!! Самые маленькие и крепкие замариновал (поллитровая банка), а те, что покрупнее, поджарил. То-то пир был!

Ратмино, живописно расположенное на стрелке рек Дубны и Волги, – одна из подлинных жемчужин нашей островной территории. Есть у Ратмино свой преданный певец, художник Володя Василевский. Когда он пишет свои пейзажи – и кисти и этюдник сливаются с природой. Подлетела синичка, уселась на этюдник. То ли птичье любопытство одолело, то ли захотела предложить себя в качестве натуры. В другой раз заяц припрыгал. Уже со своим, заячьим любопытством. То, что ратминская лесная живность так привыкла к художнику, которые впервые появился здесь еще в свои детские годы, – вполне объяснимо. Он и сам не устает повторять, что Ратмино – его мастерская.

Почему этот заповедный уголок дубненской земли так влечет художника? Володя сам не раз задавал себе этот вопрос. Наверное, потому, что все мы родом из детства. Во взрослой обывательской жизни нашей мы придаем чрезвычайно мало значения краскам, звукам, запахам. И вспыхивающий иногда в суете повседневности проблеск яркого воспоминания: "Все это было когда-

то!" – наверное, есть не что иное как возвращение в детство, в забытое уже состояние восторга чистого существа перед совершенством того или иного природного явления.

Нет, не случайно садятся птицы на Володин этюдник. Его связь с природой глубока и органична. Однажды в конце лета приехал он в Ратмино на велосипеде. Часа полтора писал в луговинке в Ратминском бору. Вечерело. Туман стал подниматься с Волги и разливаться вокруг. И за эти полтора часа рядом откуда ни возьмись повывлезали на свет белые шары грибов-дождевиков... Да, подумал я, мало ему синицы и зайца – он еще и грибы приручил! И все наши встречи в городе, где маршруты пересекаются довольно часто, так или иначе связаны с обсуждением новостей с грибного фронта. Зимой, весной, ранним летом – воспоминания и прогнозы на новый урожай. В сезон, само собой, где, как и сколько...

А свои каникулы я проводил то в Кашине у тетушек, то в Болшево у тетушки с дядюшкой. И там и там были свои прелести. Но жизнь в Кашине была ближе к деревенской: домик стол на окраине, если идти от центральной торговой площади через знаменитый курорт, переходя по мосткам-лавам речку Кашинку, причудливо петляющую меж высоких берегов и почти окружая широкой петлей исторический центр старого купеческого города, который в средние века даже тягался с самой княжеской Тверью. Леса там были далеко, отец знал их хорошо, но в мои каникулы он пропадал на работе, я оставался на попечении тетушек и за грибами меня никто не брал, а когда стал работать, то уже его, пенсионера, посылал к тетушкам. И там он ходил по грибы уже без меня...

В Болшево же был период, когда вдоль железной дороги подросли лесопосадки, буквально в нескольких метрах от нашего дома через дорожку. И там я однажды случайно наткнулся на подберезовик, другой, третий... И так набрал корзину. Впрочем, грибы росли и на самом дачном участке, прямо у забора, где остались от прежних послевоенных времен две березы, сосна и дуб. Почти каждый год вылезали здесь чернушки, подберезовики с крапчатыми крепкими ножками и темно-коричневыми шляпками, а иногда и белые. Тетя Зина и дядя Петя регулярно следили за их ростом и, аккуратно срезая, использовали в своем летнем дачном пищевом рационе.

День был теплый и даже паркий, когда грибы лезут из влажной, теплой земли. В такой день, бывает, ты все дочиста выберешь, а вскоре за тобой пойдет другой грибник и тут же, с того самого места, опять собирает, ты берешь, а грибы все лезут и лезут.

Вот такой и был теперь грибной, паркий день. Но в этот раз мне с грибами не везло. Набрал я себе в корзину всякую дрянь: сыроежки, красноголовики, подберезники, – а белых грибов нашлось только два. Будь бы боровики, настоящие грибы, стал бы я, старый человек, наклоняться за черным грибом! Но что делать, по нужде поклонись и сыроежке.

Очень парко было, и от поклонов моих загорелось у меня все внутри и до смерти пить захотелось. Но не идти же в такой день домой с одними черными грибами! Времени было впереди довольно поискать белых.

Михаил Пришвин

*Озеро Песочное,
озеро Кобыльное...
Берега покрыты
Желтым ковылем.
Тропами болотными
ковыляем с клюквой.
Хлюпают подошвы,
чавкают в подъем.
Золотые листья
на палатке синей
и ночных гнилушек
бледно-синий свет.
В эти дни осенние
я немало скинул
разных заморочек
и напрасных лет...
10 октября 2000 года.*

ВЕЛИКИЕ ОЗЕРА

Оршинский мох – первая клюква – опять телесъемки – уроки коллективного собора

Каждый год я с нетерпением жду этих осенних дней. И неважно, что они могут быть ненастными, под низким серым небом, набухшим влагой, или с хрустом ледка под сапогами после ночного заморозка. Но выдаются иногда и пронзительно солнечными – тогда забываешь про компас и кружишь по болотам, ориентируясь на косые лучи светила, описывающего в своем движении над горизонтом низкую дугу...

Чем манят нас Великие озера? Не те, конечно, что помечены на всех картах мира как Верхнее, Гурон, Мичиган, Эри и Онтарио – крупнейший на Земле резервуар пресной воды. Эти от нас далеко – в Северной Америке. А наши здесь, под боком, всего-то в полутора-двух часах езды на ПАЗике да в часе-полтора ходьбы от его вынужденной последней остановки до клюквенных болот. Просто дальше дорога такая, что никакой ПАЗик не пройдет. И названия озер свои, родные. Великое, из которого вытекает речка Созь, образует целую озерную систему – Белое, Глубокое, Щучье, Светлое, Либовец. К югу от Великого – Кобыльное и Песочное, между ними проходит зимник, по колеям которого, почти не тронутым торфяными пожарами недавних сухих лет, растет крупная клюква. Места эти помечены на карте как Большой Оршинский Мох. И не зря называют водоемы Тверской губернии колодцем России.

Яркие россыпи ягод на темном мху или в седой осоке. Розовые, как старинный фарфор, бусины, или почти черные, крупные, как вишня. Дурманящий аромат багульника. Уже осыпающаяся со своих веточек самая сладкая в мире брусника. Сизая от осенних холодов голубика. Стылая, чуть желтоватая вода затихших в ожидании ледостава озер... Может быть, этим всем манят нас осенью Великие озера? Не знаю.

...Мы приехали в пятницу почти затемно, и потому расположили свой лагерь в лесу, поближе к дороге и довольно далеко от болот, а воду для походного нашего варева брали рядом с палатками в проточной канаве, что

вытекает из Песочного. Шли вдоль берега озера до клюквы часа полтора и выходили к тому же или другому зимнику, к крупной ягоде.

А в другой раз доехали до деревни Кошкино (ударение на последнем слоге) и разбили лагерь на краю могучего бора, перед обширной пустошью, поросшей травой. Она спускалась к ольховому мелколесью, к глубокому черному каналу, проложенному еще в советские времена в торфах военными, чтобы можно было пройти на лодках к Великим озерам. Цель у каналостроителей была, конечно, не боевая, но для многих рыбаков они сослужили хорошую службу. С верхней точки луговины казалось, что канал поднимается вверх. К болотам пробирались по тропе, проложенной вдоль искусственного водного пути. Клюква росла по самому берегу озерного рукава, в высокой осоке, и за глубоким ручьем с наведенной переправой из нескольких довольно хлипких бревен. Берега ручья были зыбкими, и переправа занимала немало времени. Там, за ручьем, я набрел на хо-орошую клюкву и, присев на коленки, не поднимался от кочек часа два, пока место не было выбрано. Правда, тут же мне "помог" известный своей скоростью коллега, расположившийся неподалеку, потому делянка была пройдена за такой короткий срок. Мне бы ее хватило на день...

Вот так, стоит попасть на болота, вспоминаются все предыдущие походы, а потом эти воспоминания сливаются в одно, бескрайнее, как Оршинский мох. Байдарки наши на Сози, петляющей среди труднопроходимых болот и лесных островков. Наш лагерь из разномастных и разноцветных палаток на берегу этой речки, соединяющей озеро Великое с Иваньковским водохранилищем. На эту поляну я впервые попал в 1995 году. В первых лучах утреннего солнца прибрежная осока серебрилась мохнатым инеем... И с тех самых пор, за исключением редких лет, присоединяюсь к группе туристов, ведомых бессменным командором Александром Злобиным, чтобы запастись полезной ягодой, вдоволь надышаться чистым воздухом и пропахнуть дымком походного костра.

В первой половине 70-х годов, в бортовом грузовике-коробке, вместе с типографскими девушками и их мужьями, остановились близ какой-то деревни... Рассыпались по болоту, у меня был маленький "пионерский" рюкзак, еще артековских времен. Ягод собрал немного, около ведра, но таких, что перебирать их не пришлось. На обратном пути сделали привал, девушки наши хлебосольные мне подливали и подливали, и я так "наклюкался" с устатку, что на своей Большой Волге с трудом перевалил через задний борт машины и, спрыгнув, упал на спину, точнее, на рюкзак. Клюква смягчила мое падение. Таким образом, мой перерыв... Да, это был 73-й год, потому что свою замечательную отборную клюкву вместе с солеными грибами я привез в Ташауз тетушке и двоюродному братцу, – "и лучше выдумать не мог". В этих легендарных краях тыщи и одной ночи и то и другое было на вес золота. «Редкая птица долетит до середины Днепра» – и редко кто из русских добирался с грибами до восточного базара, а если и добирался, то последние из очереди, кому не досталось соленых грибов, просили хоть рассольчику из бочки продать...

Таким образом, мой перерыв составил 22 года, и первый поход с командой Злобина я совершил уже в качестве редактора "Дубненского телевидения", задумав снять небольшой фильм "По клюкву" – памятуя о

прошлогодней удаче фильма "По грибы", который мы снимали с Вадюшей Витчинкиным.

На клюкву со мной поехал оператором Антон и, несмотря на мои увещания и строгие, но ценные указания, «схватил» на пленку лишь несколько крупных россыпей ягод. Основу же сюжета составили мои разговоры с командором похода Злобиным, который, в свою очередь, вспоминал не самые забойные истории, а все больше "страшилки" про бабушек, которые путались в болотах и выходили через несколько дней совсем с другой стороны и чуть ли не в другой край света. Но, все-таки, выходили. Это были истории с хорошим концом.

На самом деле, у туристов забойных историй хватало, и лучшим сказителем за все годы, что я потом бывал на клюкве, оказался Слава Шилов, с его природным юмором и цепкой памятью на детали, которые у вечернего костра, да еще "с устатку", придавали рассказам характер апокрифа. (Я долго подбирал соответствующее жанру определение и все-таки нашел, по моему разумению, самое точное). Думаю, что в письменной записи рассказы Славы сильно бы проиграли. Но если убрать "это самое" и усилить характеристики персонажей – встреченных им за долгие странствия рыбаков, охотников, собирателей клюквы, особенно из среды персонажей, засвеченных в серии культовых фильмов нашего времени "Особенности национальной..." (далее вставь нужное слово), – получился бы добротный литературный сценарий. А в том 95-м году у нас со Злобиным сценария не было – едва мы успели записать наш довольно вялый диалог с вопросами Новичка и ответами Бывалого, как аккумуляторы камеры разрядились, и Антон был снаряжен на байдарке в село Спас на Сози, дабы эти аккумуляторы подзарядить. А надо сказать, что Созь – речка норовистая, изобилует крутыми поворотами и течение имеет, заметьте, быстрое. До Спаса спускаться с Великого озера вниз по течению – себе в удовольствие, обратно – грести, и не слабо, изо всех сил.

Антон отправился в полдень, вернулся же перед закатом, едва вылез из байдарки и сразу уснул. Когда утром он проснулся, то последовал сухой (уже сухой!) отчет. В избе, куда он зашел зарядить батарейки, сидел мужик и пил водку. "Да заряжай, – гостеприимно пригласил он, – но пока заряжаются, садись к столу"... Далее – известный сюжет из другого культового фильма "Белое солнце пустыни", но, конечно, без лохани с черной икрой, а не помню уже с чем, что там на столе стояло. В общем, прошло немало времени, пока Антон вспомнил о давно уже заряженных аккумуляторах. Как он добрался назад против течения, мы могли только гадать. И учитывая его состояние после бурно проведенного дня – качественных съемок, для которых надо было немало поползать по болотам, ожидать уже не стоило. Но хрен уже с ним теперь, с этим фильмом. С тех самых пор, стоит мне взглянуть на карту Великих озер, в памяти оживают эпизоды наших давних и недавних, дальних и недалгих странствий.

...В конце 80-х вместе с Кулюкиными едем на их "пятерке" – может быть, в Раздобарино или к какой-то другой деревне... Первые крепкие уроки коллективного сбора: идем бригадой, цепью, кто находит клюкву, дает знак, быстро обираем это место и движемся дальше... Помню следы зимника, вдоль которого лежит наш путь, вода стоит в глубоких колеях, а по колеям – крупные вишневые капли клюквы... Мой свояк Мишка Кулюкин, настоящий лесной человек, выросший на природе, пропадавший в детстве на конюшне у Тито

Понтекорво, – на болоте, как лось. И даже я, потомственный грибник, не могу за ним угнаться...

Однако в то время болота не обрели надо мной ту власть, что позже, в туристских походах на Созь и Великие озера. Наверное, что-то здесь зависит и от возраста, и от степени стремления погрузиться именно в ту природную среду, которая соответствует твоему мировосприятию на данный момент. Вот, например, моя дача. В последние годы мне хорошо там всегда, в любую погоду. Этот клочок земли, изменяемый моими трудами, а иногда без них и запускаемый, неизменно приносит положительные эмоции. Но это отдельная тема.

Нашел еще один фрагмент в своих «клюквенных» дневниках. Было, было в сравнительно недавнем сентябре светлое окошко – с 21-го по 23-е снова на клюкву. Стартовали около девяти утра – пока собирали всех по городу, с рюкзаками, байдарками и палатками, пока ехали на автобусе в связке с грузовой машиной, нагруженной всем этим инвентарем, поднялось повыше солнце, и стало ясно, что прогнозы оправдываются. Настоящее "бабье лето"!

Бывшая лужайка на берегу Сози превратилась в жирное грязное месиво, изборожденное колесами всяких джипов и прочих внедорожников с московскими номерами. Некоторые из хозяев этих навороченных иномарок уже выносили к воде надувные лодки с моторами и разное навороченное снаряжение... В нашей команде было 24 человека – и старые знакомые по прежним поездкам, и новые молодые лица. Пока мы с командором Александром Злобиным собирали его байдарку "тройку", большая часть экипажей уже погрузилась и пошла вверх по Сози. Наконец, вышли и мы.

Против моего ожидания, течение не было таким быстрым, как в иные времена, и судно наше довольно легко продвигалось, рассекая стремнину. Но все же не так быстро, как хотелось бы. Пару раз Злобин притормаживал, чтобы запечатлеть на пленке высившиеся вдоль обоих берегов остовы некогда зеленевших сосен – памятники давних торфяных пожаров. Эти серые изваяния, очевидно, вызвали у него какие-то смутные душевные переживания или ассоциации... А вот и та поляна, на которой мы стояли когда-то лагерем в 95-м и откуда Антошка отправился в Спас заряжать аккумулятор. Вы, наверное, помните, что с ним случилось...

Мы вылезли на колеблющийся под сапогами берег и слегка отдохнули, выпив чаю из термоса. И – снова вверх по течению. Командор на корме экспериментировал с одним веслом, а мне вручил свою "мастерскую" пару, лопасти которой были установлены крестообразно, а не параллельно, как я всегда греб раньше, считая, что "кресты" – удел профессионалов. Оказалось, не боги горшки обжигают, и дело только в привычке и небольшой доле сноровки.

Так мы и подошли к истокам Сози и вошли в Великое. Я взял курс на правую оконечность острова, и командор подтвердил мое решение. Надо сказать, что по причине почти полной потери им слуха общение наше было минимальным. Он изредка подавал реплики, а я не мог даже этого, зная, что не буду услышанным. Но, услышав шум мотора, предостерегающе поднимал руку, указывая на направление, откуда нам ждать волны. То есть выполнял роль того самого петушка из сказки Пушкина про незадачливого царя, соблазненной шамаханской царевной. Там петушок указывал, откуда ждать вражескую рать. Так что каждый раз нам удавалось разминуться благополучно. Да и петушком я оказался вполне миролюбивым и не только не тюкнул командора в темечко, но

и на базе, когда мы расставили палатку, предложил ему "с устатку" остограммиться под вареные яйца и одесскую колбасу.

Засим все отправились на разведку, чтобы понять, где и как растет ягода, и определить маршруты на завтра. Мы уже бывали раньше на этом месте, и я запомнил, что клюква тогда росла в три яруса на кочках с жесткой осокой так, что все руки были ею изрезаны, и надо было копать глубоко внутрь, где прятались самые крупные ягоды. Зато какие ягоды были там, внутри... Памятуя об этом, я пошел по береговой линии того рукава, где мы разбились на небольшой возвышенности свой бивак, раздвигая заросли двухметрового тростника. Ягод не было. Тогда пошел в глубь открытых болот.

Преодолевая завалы деревьев, образовавшиеся в результате торфяных пожаров, слегка уже утомившись, вышел к некоему подобию рыбацкого домика, сколоченного из самых немыслимых досок, фанерок и местного древесного материала. Это строение достойно отдельного описания, особенно навес, внутри которого на полочках стояли баночки, бутылки, коробочки, — летняя кухня. От этого бунгало в глубь болота вела тропа, и на кочках вдоль нее стала попадаться клюква. Причем, все крупнее и крупнее. Классическое болото, классическая ягода. Довольный своей интуицией, а стал припадать к некоторым кочкам и уже брать клюкву... Вышел на зимник и понял, что память прежних походов начинает просыпаться и работать. Зимники, эти колеи вездеходов, бороздивших болото по одним и тем же замерзшим и заснеженным трассам, аккумулирующие воду, дают питание клюкве! И по обе стороны она крупнее и гуще! Не спеша, собрал я первые четыре литра и, довольный, с заходом солнца свернул в лагерь. Там уже полным ходом дежурная смена готовила ужин... В качестве приварка к снеди, взятой с собой из города, мы часто использовали срезанные прямо у палаток грибы — подберезовики, подосиновики, моховики. И грибной супчик с дымком не уступал самым изысканным ресторанным яствам.

В одной из недавних экспедиций, разбив бивак на берегу озера Песочное, мы шли по широкой тропе к болоту мимо россыпей желто-коричневых моховиков. Прежде таких колоний мне видеть не доводилось. Буквально все было усыпано этими грибами, столь обильно вылезавшими в начале октября благодаря теплой и влажной осени.

Грибы поздней осени скрытны, но если их хорошо поискать — можно перемигнуться с зайцем, послушать гусиные речи, налюбоваться летящим над соснами глухарем, заглянуть в глаза лосихе.

Я вернулся в деревню с полной корзиной грибов. Грибы поздней осени особенно дороги, сладки, хрустят на зубах...

А тут и вечер. Русская печка у меня с утра истоплена, вчерашние грибы высохли на печке (вчера я за белыми ходил, а сегодня за волнухами). Чаю с молоком попить и за письмо... Ну да, из лесу. Как стемнеет, лес как будто со всех сторон приблизится к Горе, обступит. Ночью хорошо думается: за день в лесу кислородом надышишься, мысли придут, вот их и додумываешь. Пишешь письмо из лесу...

Глеб Горышин.

*Любимая! Шумит сентябрьский дождь...
Грибы в лесу все чаще вылезают...
А ты меня, наверно, так же ждешь,
Как зайцы ждут пришествия Мазая...
И я приду – через месяц, через год –
И что-то по привычке позабуду:
Ведь, если не забыл я ничего,
То это равноценно чуду!
Из письма жене. Октябрь 2009.*

8 сентября – Наталья-овсяница.
Пришла Наталья, пошли в лес по грибы.
Народная примета

«КОСМИЧЕСКИЕ» НАХОДКИ

По дороге из Кимр – вокруг «молочного домика» – в городском, можно сказать, лесопарке

Чудесные места у нас за Дубной! И просторные луговины, и невесть откуда (от ледников, может быть, древних?) взявшиеся озера среди них, и главное – леса!

Леса эти, казалось бы, исходил и вдоль и поперек. Но нет-нет да и сверну с привычного пути и окажусь словно бы в совсем не знакомом краю, в чаще, в болотине, а еще того пуще, в непролазных дебрях молодняка, покрывшего старые вырубki. Понятное дело, так плутаю всегда один.

«Грибы, конечно, в космосе не растут...» – снова вспомнилась «розыгрышная» фраза из фольклора космических журналистов в Байконуре (см. стр. 14). Зато у нас, близ «Космоса» (садоводческое товарищество на правом берегу Дубны), – растут, да еще как! И бывают дни особенно удачные, которые накрепко врезаются в память – от момента раннего утреннего подъема до возвращения домой с очень богатым и качественным «уловом».

Был такой августовский день... С утра с Татой поехали в Кимры на рынок. Просто погулять и развеяться. По сравнению с относительно молодой Дубной, ее регулярной и скучноватой застройкой, старинные Кимры, поставившие сапоги Петровской армии, с краеведческим музеем, воссоздающим быт и нравы купцов, сапожников, приказчиков, с ветхими, но навевающими особое очарование особнячками, – сохранили дух совсем иной эпохи. Не случайно же в советские годы многие иностранцы из братских стран, работавшие в Дубне, стремились по выходным в этот старинный провинциальный городок. Кстати, еще и потому, что он, в отличие от многих других, не имея режимных предприятий, был разрешен для посещения иностранцами. С этим тогда было строго. Купили мы с Наталией, как сейчас помню, пластмассовое ведро и короткие резиновые сапоги. На обратном пути решили заскочить в лес, тот самый, рядом с «Космосом», совсем недалеко от моста через реку Дубну, территориально разделяющую две губернии – Московскую и Тверскую.

Лесок совсем небольшой. По утоптанной широкой тропе, что идет по высокой гряде, от садов до реки всего минут двадцать ходу. И ориентир хороший, захочешь – не собьешься. Машину поставили, как всегда, рядом с глубоким рвом, обводящим садовые участки, и по бревнышку перешли это неестественное препятствие. Первый пункт нашего пути – «молочный домик».

Самый настоящий домик, оклеенный по каркасу пакетами из-под молока. В 93-м году прошлого века, начав работать на ДТВ, я снял здесь один из своих первых сюжетов. Был конец апреля, уже довольно тепло. Мы сидели с хозяином домика Владимиром Максимовичем Назаровым на скамейке из большого отесанного бревна и говорили обо всем на свете. О его работах по нейтронно-активационному анализу, из которых благодаря усилиям его преемницы Марины Фронтасьевой выросло целое радиационно-экологическое направление. О ближних и дальних маршрутах. Как вспоминал наш туристский вожак Александр Злобин, Владимир Максимович относился к той категории людей, которые радостно идут на работу и счастливыми возвращаются домой. Он ничем не занимался мимоходом, все доводил до конца, умел сочетать целеустремленность в науке с тем, что называется отвлекающим фактором. Вместе со Злобиным они совершили экспедицию в Забайкалье по сложнейшему маршруту. У Назарова была мечта – пройти маршрутом Ермака на Урале, разгадать тайну "Золотой бабы"... Дубненские туристы, повторяю я, совершая первопрохождения в Карелии, дали двум водопадам имена "Флеров" и "Мещеряков", а участку между ними – "Максимиыч".

Вот уже скоро 20 лет, как нет с нами Максимиыча, а домик каждый год подновляют его ученики и коллеги, и весь научный сектор собирается здесь под густыми еловыми кронами в память об учителе...

Вот и мы с Татой присели на ту же лавочку, да и пошли дальше вдоль дороги, ни на что особенно не надеясь. В новых сапогах и с новеньким ведерком.

А лес этот никогда не производил впечатление грибного. Хотя... были и здесь пунктики «пограничья» – кромки между высоким и низким участками леса. Однако они ничем не порадовали. И только в смешанном лесу, среди берез и елей, перепрелой листвы и невесть как оказавшихся здесь молодых дубков и кустистого липняка, стали попадаться заветные светлые шляпки. Очевидно, оказались мы в нужное время в нужном месте, после теплых ночей и дождей. Белые грибы стояли один к одному, чистые, крупные, а мы, похоже, оказались тут одними из первых. За час с небольшим набрали ведро отборных грибов, которых хватило на несколько банок прекрасного маринада...

Не раз бывал я там и до, и после, но такого везения больше не случалось.

В 2005 году, как раз в день своего рождения, когда стукнуло 55, сделал себе в том лесу подарок: выкопал крошечный дубок, выросший из желудя, и в тот же день посадил на краю дачного участка. Растет дубок!

Городок наш не только окружен лесами, но и сохранил их в себе. По периметру забора, окружающего лабораторию сверхвысоких энергий, где в 1953 году был запущен самый большой в мире ускоритель синхрофазотрон, тоже растут грибы. От моего дома до проходной ЛФВЭ 10-15 минут хода. А до ближнего края сосновых лесов, окружающих лабораторию, – всего минут пять. Когда-то я часто гулял там с собаками, сначала первой, потом второй, обе были миттельшнауцерами, и мечтал о том, чтобы они научились вынюхивать грибы и подавать голос. Но так и не научил. Ведь читал где-то, что французы натаскивают определенные породы на поиск трюфелей, чьи плодовые тела скрываются в рыхлой земле, и даже используют для этого свиней. Наши суки на грибы не реагировали, зато приходилось бдительно следить, чтобы не влезли, как бы это помягче сказать, в продукты переработки пищи человеческими организмами, которые (и продукты, и еще чаще организмы) встречались в этом

лесопарке. Да что там, в лесопарке, в тех же лесах за Дубной, помню, Дэзи влезла в такое дерьмо и так от нее, скажем, пахло, что я долго пытался оттереть уже жесткую шерсть пучками влажного мха. По дороге назад заставил выкупаться в реке, а запах все равно остался.

Но что-то я отвлекся. Так вот. Для большинства местных эти городские леса особого интереса не представляют, зато в них можно встретить старушек с кошелками, вышедших набрать грибов на «жарешку» или на супчик, или московских дачников, снимающих на лето квартиры в Дубне. В грибной сезон пустыми они домой не возвращаются. Муж моей племянницы однажды приехал в командировку, быстро сделал свои дела, мы пообедали, а потом он в чем был – легких кожаных туфлях и легкой же городской цивильной одежде отправился в эти близлежащие сосенки, а я ушел на работу. Через час позвонил и интригуяще сообщил, что скоро подойдет к дому. Через десять минут мы встретились у подъезда. В руках у Виктора был полиэтиленовый пакет, наполненный молоденькими крепкими подосиновиками... Счастье его переполняло, и я это прекрасно понимал! Уже вечером он позвонил из Москвы и доложил, что процесс переработки, в котором принимала участие и моя племянница Алена, благополучно завершен. В сезон мы с Виктором часто созваниваемся и я информирую его о ходе грибной страды, а он иногда вырывается по делам в Дубну, но в силу профессиональной занятости его хватает только на такие короткие рейды. Но описанный случай по количеству и качеству добычи был только один.

*...Любимейшим ее летним удовольствием было хождение по грибы. В оригинале этой книги мне пришлось подчеркнуть само собою понятное для русского читателя отсутствие гастрономического значения в этом деле. Но, разговаривая с москвичами и другими русскими провинциалами, я заметил, что и они не совсем понимают некоторые тонкости, как например то, что сыроежки или там рыжики, и вообще все низменные агарики с пластинчатой бухтармой совершенно игнорировались знатоками, которые брали только классически прочно и округло построенные виды из рода *Boletus*, боровики, подберезовики, подосиновики. В дождливую погоду, особенно в августе, множество этих чудесных растений вылезало в парковых дебрях, насыщая их тем сырым, сытным запахом – смесью моховины, прелых листьев и фиалкового перегноя, – от которого вздрагивают и раздуваются ноздри петербуржца. Но в иные дни приходилось подолгу всматриваться и шарить, покуда не сыщется семейка боровичков в тесных чепчиках или мрамористый "гусар", или болотная форма чудосочного белесого березовика*

Под морозящим дождиком мать пускалась одна в долгий поход, запасаясь корзинкой -- вечно запачканной лиловым снупри от чьих-то черничных сборов. Часа через три можно было увидеть с садовой площадки ее небольшую фигуру в плаще с капюшоном, приближавшуюся из тумана аллеи; бисерная морось на зеленовато-бурой шерсти плаща образовывала вокруг нее подобие дымчатого ореола. Вот, выйдя из-под каплюющей и шуришащей сени парка, она замечает меня, и немедленно лицо ее принимает странное, огорченное выражение, которое казалось бы должно означать неудачу, но на самом деле лишь скрывает ревниво сдержанное упоение, грибное счастье. Дойдя до меня, она выпускает вздох преувеличенной усталости, и рука и плечо вдруг обвисают, чуть ли не до земли опуская корзинку, дабы подчеркнуть ее тяжесть, ее сказочную полноту.

Владимир Набоков.

КОНЕЦ – ДЕЛУ ВЕНЕЦ!

Рецепты от Александра Фохта (1913 год) – дома, на кухне, нагулявшись по лесам – «французская» закуска из свежих боровиков – жарим, солим, маринуем, сушим...

В числе семейных реликвий, которые я бережно храню, есть несколько дореволюционных изданий, и одна из подлинных жемчужин этой коллекции – поварская книга 1913 года. Считается, что 1913 год был одним из немногих в уходящем веке, когда Россия благоденствовала. О чем свидетельствует и вышедшая в означенном году в Санкт-Петербурге в издательстве “Якорь” “Поварская книга – подарок всѣм хозяйкамъ», составленная Александром Фохтом. Из нее я выбрал несколько «грибных» рецептов, сохраняя дореволюционную орфографию, и дополнил собственными кулинарными соображениями по этой части.

ПОВАРСКАЯ КНИГА
Подарок всѣмъ хозяйкамъ
Составилъ А. Э. ФОХТЪ
С.-Петербург
Типо-Литография «Якорь»
1913

Супъ грибной с перловой крупой и картофелем

Сварите бульень из кореньевъ, 1 моркови, 1 петрушки, 2 луковиц, прибавив 1/8 фунта сушеныхъ грибовъ, 6-8 зерен перца и 2 лавр. листка и процѣдите, когда будет готов; нашинкуйте 1 сырую морковь, 1 петрушку и 1/2 луковицы, поджарьте в масле (1 ложку) и влѣйте в бульень, положивъ туда же мелко нашинкованные грибы; отдельно сварите 1/2 стак. промытой перловой крупы, когда будет готова, влейте ложку постнаго масла и взбейте до бела, переложите в бульень, вскипятите, влѣйте в миску и посыпьте мелкой зеленью.

Суп перловый с грибами

Перловый супъ с грибами

Сварите бульень из кореньевъ: 1 моркови, 1 петрушки, 1 селлереи, 1 порея и 1 луковицы, соли, процѣдите; промойте чашку с перловой крупой и положите въ бульень с нарѣзаннымъ картофелемъ (шт. 4), сварите до мягкости и то и другое, сварите отдельно 2-3 сушеныхъ грибка, нашинкуйте и положите в супъ, влейте 2-3 ложки грибного бульена, вскипятите; поджарьте ложку муки с ложкой горчичнаго масла и положите в супъ, вскипятите, мѣшая.

Супъ картофельный с грибами

Сварите бульень точно также; если у вас остался грибной наваръ и грибы от вчерашнего обеда, то, при варке бульона, грибовъ не надо варить; нарѣжьте кусками сырого очищенного картофеля 1 глубокую тарелку, положите в процеженный бульень и сварите, поджарьте 1/2 ложку муки и 1/2 мелко изрубленной луковицы в ложке горчичнаго масла и положите в супъ, вскипятите, положите нашинкованные грибы и подавайте. К этому супу подайте гренки из белаго хлеба.

Супъ с грибными ушками

Сварите бульень из кореньевъ и грибовъ сушеных: 1 моркови, 1 луковицы, 1 селлереи, 2 порея, 1 корня петрушки, 1 брюквы и 4-5 бѣлыхъ

сушеныхъ грибовъ, прибавивъ ложку подсолнечнаго масла и соли, процѣдите, грибы выньте и порубите мелко, прибавьте мелко нарѣзанную и поджаренную в ложкѣ горчичнаго масла луковицу, немного перца, немного соли; сдѣлайте тѣсто, какъ для пельменей: 1½ стакана муки и ½ стакана воды; раскатайте тонко, положите фаршъ грибной, закройте тѣстомъ, вырѣжьте рюмкой, защипите и соедините концы, какъ ушки, варите, пока не всплывутъ.

Щи с грибами

Сварите бульень из 5-6 сушеныхъ грибовъ с кореньями: 1 петрушки, 1 селереи, 1 моркови, соли и 5 шт. перца простого, процѣдите и грибы нашинкуйте; поджарьте в ложке полсолнечнаго масла 1 мелко нарубленную луковицу, прибавьте 2 стакана выжатой кислой капусты, слегка потушите, а затѣмъ разведите процѣженнымъ грибнымъ бульенемъ и варите на медленномъ огнѣ; за ½ часа до подачи поджарьте в 1 ложкѣ подсолнечнаго масла 1 ложку муки, тоже разведите бульенемъ и влейте в щи, куда положите и нашинкованные грибы, вскипятите, посыпьте мелкаго перцу и посолите, если нужно. К шамъ сварите гречневую кашу.

Жареные грибы свежие

Очистите, перемойте, отрежьте корешки и поджарьте свежие грибы в горчичномъ масле, посолив и прибавив перцу, поджарьте в ложке масла ½ луковицы мелко нашинкованной и прибавьте 1/2 ложки муки, разведите ¼ стакана бульена, вскипятите, положите все в грибы и еще немного поджарьте.

Жареные грибы

Какіе-то бы ни было грибы нужно хорошо очистить, перемыть, нарѣзать, обрѣзав корешки, – смотрѣть, чтобы не попадалось червивыхъ, – обвалить в мукѣ; в 1 ложкѣ масла поджарить небольшую луковицу, мелко нарубленную, сложить грибы, посолить, посыпать немного перцемъ, и поджарить не на сильномъ огнѣ, перевертывая, чтобы поджарились со всѣхъ сторонъ, потом влить ½ стакана сметаны и дать вскипѣть; подавая, посыпать зеленымъ укропомъ (грибовъ – 1 глубокая тарелка)

Грибная икра

Сварите штук 6-10 сушеныхъ бѣлыхъ грибовъ в соленой водѣ, чтобы были мягкіе; нарубите ихъ в деревянномъ корытцѣ очень мелко, величиной съ крупинку зернистой икры; на 1 тарелку глубокую этихъ грибовъ положите ложки полторы прованскаго масла, ложку уксуса, ложку грибнаго бульена и ½ ложки очень мелко нарубленной луковицы; посолите и посыпьте перцемъ по вкусу. К нѣй черный хлебъ.

Котлеты из грибовъ

Сварите 1/4 фунта сушеныхъ грибовъ въ соленой водѣ, чтобы были совершенно мягкіе, изрубите ихъ мелко; сварите 1 стак. в той же водѣ, гдѣ варились грибы, откиньте на рѣшето, но воду не выливайте, смѣшайте рись с грибами, прибавьте мелко нарубленную луковицу, поджаренную в ложкѣ масла, немного перцу, сдѣлайте котлеты, обвалите слегка в мукѣ и поджарьте с обѣихъ сторонъ в маслѣ; поджарьте 1 ложку муки въ ложкѣ масла, разбавьте грибнымъ бульенемъ, в которомъ варились грибы и рись, вскипятите, прибавьте сок от ½ лимона и подайте к котлетамъ отдѣльно.

Вдоволь нагулявшись по открытымъ «грибнымъ сайтамъ», которыхъ в Рунете оказалось великое множество, я решил, что все, кто этимъ интересуются, сами найдут что имъ нужно, а посему прибегну къ исключительно эксклюзивному опыту грибной кулинарии, тоже во многомъ передавшемуся мне от отца. В

нашей семье привыкли к тому, что после возвращения из леса все остальное я беру на себя. Бывают, правда, редкие исключения: когда грибов, ну, очень много, – тогда Тата помогает мне их перебирать и чистить.

Этот этап очень важен. Чем тщательней чистка, отбраковка червивых грибов и перестарков, которые иногда-таки попадают в корзину, тем ближе окончательный и победный конец нашего совсем не безнадежного дела. При сортировке сразу же определяю, в какую кучку попадет гриб. Вот эта – для сушки (сюда идут крепкие переростки – белые, подберезовики, подосиновики). Эта – для жарки, вот эта – самая красивая – для маринада, ну а эта, как правило, самая внушительная, – сразу в большой таз и под воду, для засола. Такой порядок, сложившийся с годами, во-первых, дисциплинирует, во-вторых, экономит время. Все процессы после чистки идут параллельно. Но все равно, для меня «рабочий день» заканчивается в час-два ночи.

Итак, все разобрано, теперь пора приступать к самой кулинарии. Грибы для засола пока мокнут в большом тазу или в двух-трех (бывает и такое). Для жарки – тщательно моем и режем прямо на сковородку, ставим ее на огонь и время от времени помешиваем, чтобы не пригорали...

На решетке из нержавеющей стали или другого какого сплава, которые входят в комплект современных газовых плит, раскладываем порезанные тут же шляпки и ножки больших трубчатых грибов и ставим в духовку, приоткрыв дверцу. Первые минуты три обычно рекомендуют включить огонь по максимуму, чтобы все личинки из грибов выпали. Затем переходим на малый огонь. В духовке все запущено, о ней пока забыли.

После этого сразу беремся за солонцы: перемываем и ставим в самой большой кастрюле на огонь, при появлении пены начинаем ее снимать. Иногда, если грибов много, заполняем еще одну-две больших кастрюли. Тут только крутись! С ними пока все просто – отвариваем все пластинчатые вместе: дуплянки, чернушки, белянки, волнушки, горькушки, лисички, иногда и крепкие сыроежки, содрав со шляпок предварительно шкурки, а порой добавляем и опят. И тут самое время вернуться к сковороде с еще не жареными, но уже выпаренными черными и белыми грибами. Их надо крепко посолить, добавить подсолнечного масла и держать на медленном огне, помешивая. Снимаем с огня отваренные солонцы и ставим на подоконник. До завтра...

Вот теперь самое время заняться маринадом. Осталась у нас последняя, самая красивая кучка грибов. Какие они все молоденькие, крепкие, так и просятся в объектив. Правда, часть из них уже сохранена в файлах, запечатлел их в последние минуты лесной жизни... А теперь сделаем коллективный портрет... Моем их очень тщательно, со щеточкой или губкой, чтобы не осталось ни пятнышка, – те, что покрупнее, режем на две-четыре части, что помельче – сразу в кастрюлю... Заливаем водой из только что закипевшего чайника так, чтобы она не покрывала верх, сразу добавляем пряности: два-три лавровых листа, несколько горошин душистого перца, корицы, гвоздики, четверть чайной ложки лимонной кислоты. Доводим до кипения, снимаем пену. Остается им еще минут 10–15 доходить на медленном огне, перед окончанием варки добавляем соль (ее количество можно найти в любом рецепте, я сыплю на глаз, но надо учесть, что соли грибы забирают много). По окончании варки добавляем уксус, тоже по вкусу. Теперь можно раскладывать грибы в заранее

промытые и пастеризованные на носике старого чайника банки и завинчивать также пастеризованными крышками. Расставляем все это богатство на кухонном столике, а завтра уберем в холодильник.

Есть множество рецептов маринования грибов, я уже, кажется упоминал, что отец готовил маринад отдельно, из всех перечисленных ингредиентов, отдельно отваривал грибы и, слив воду, заливал их подготовленным маринадом. Но свой способ я вычитал в уже упомянутой книжке «Грибы – чудо природы». Во-первых, он привлек меня простотой, которая совсем не хуже воровства (чужих рецептов), а во-вторых, в процессе варки большая часть воды выпаривается, и грибы остаются в собственном соку. Всем родственникам и друзьям это очень нравится... Сколько у нас там на часах, – стрелка уже к двум подбирается? Что у нас там в духовке? Ограничиваем газ до самого минимума и оставляем до утра. И теперь можно рухнуть в постель. Несмотря на усталость засыпаю не сразу: перед глазами – грибы, грибы, грибы, один красивее другого...

А на завтра заготовительная страда продолжается. Почти высушенные грибы рассыпаю по подносам и ставлю их на широкий подоконник – пусть на солнышке подвялятся, а потом по трехлитровым стеклянным банкам.

На большой сковороде жареные грибы остыли, уберем их пока в холодильник и будем по мере желания разжаривать на маленькой сковородке порциями с нарубленным лучком, часть заложим в пакетах из-под молока в морозильную камеру. Сейчас у меня там, кажется, такая заморозка еще двухлетней давности хранится... Тата проснулась: «Дай жареного грибка попробовать. Хочу грибка на завтрак!». – Легко!

Наконец, руки доходят до засолки. Но я не утерпел, и привел уже свой рецепт в письме к чешскому товарищу (см. стр. 27). Добавлю только, что этот простой рецепт – тоже от отца, так же как и многолетний опыт хранения грибов не в банках, а в эмалированных больших кастрюлях под гнетом. Держу в прохладном месте. Некоторые мои знакомые засаливают грибы так же, но через пару недель перекадывают грибы в банки и иногда поливают сверху подсолнечным маслом, во избежание плесени. Тут же весь секрет в том, что черносмородинный лист и листья хрена придают грибам не только аромат, но и исключительно приятный цвет, что совсем не безразлично гурманам и эстетам, равно как и всем любителям грибной кухни.

К числу семейных рецептов можно отнести «французский салат», которым мы обязаны Михал Михалычу Кулюкину старшему. С этим блюдом связаны приятные сезонные воспоминания. 13 августа мы всегда отмечали день рождения... сформулируем степень родства... отца мужа сестры моей жены. Чаще всего к этому времени в наших лесах формировался слой белых грибов. В ближайшую после названной даты субботу с утра мы ехали в лес на сборы, и в результате этим салатом украшался именинный стол. Основной его ингредиент – шляпки свежих молодых белых грибов. Грибы должны быть безукоризненными. Шляпки нарезались тонкими пластинами сверху вниз, укладывались веером на тарелку, слегка присаливались и покрывались тонким слоем сметаны. К такой закуске обязательно полагалась рюмка холодной водки. Пишу об этом и чувствую тончайший грибной вкус, обволакивающий небо... Как жаль, что Михал Михалыч уже не расскажет о происхождении этого рецепта, а без него традиция почему-то начинает угасать...

А сколько истинных перлов в описаниях грибных яств рассыпано на страницах произведений русских классиков! Например этот принадлежащий перу Николая Васильевича Гоголя монолог из «Старосветских помещиков»:

– Вот это грибки с чебрецом! это с гвоздиками и волошскими орехами! Солить их выучила меня туркенья, в то время, когда еще турки были у нас в плену. Такая была добрая туркенья, и незаметно совсем, чтобы турецкую веру исповедовала. Так совсем и ходит, почти как у нас; только свинины не ела: говорит, что у них как-то там в законе запрещено. Вот эти грибки с смородинным листом и мушкатным орехом! А вот это большие травянки: я их еще в первый раз отваривала в уксусе; не знаю, каковы-то они; я узнала секрет от отца Ивана. В маленькой кадлушке прежде всего нужно разостлать дубовые листья и потом посыпать перцем и селитрою и положить еще что бывает на нечуй-витере цвет, так этот цвет взять и хвостиками разостлать вверх...

*Патер Лацина, удобно растянувшись на лавке, начал объяснять:
– Рагу с грибами, господа, выходит тем вкуснее, чем больше положено туда грибов.
Но перед этим грибы нужно обязательно поджарить с луком и только потом уже положить туда лаврового листа и лука...*

Ярослав Гашек, «Похождения бравого солдата Швейка»

Мы сели прямо на голый пол, кучно, нога к ноге. Вокруг нас мельтешили солнечные зайчики, грибной дух мешался с избяным теплом, и так славно, так приятно было смотреть на старую Милентьевну, переодевающуюся в сухое ситцевое платье, на ее темные, жилистые руки, которые она то и дело погружала то в коробку, то в ушатик, то и эмалированную кастрюлю с солью, – старуха, конечно, солила сама.

Грибы были отборные, крепкие. Желтая молоденькая сыроежка со сладким пеньком, который на севере едят как репу, белый сухой конек, рыжик, волнушка и царь солюх – масляный груздь, который особенно хорошо оправдывает свое название в такой вот солнечный день, как нынешний, – так и кажется, что в его блюде комками плавится топленое масло.

Я неторопливо, с великой осторожностью брал из коробки гриб и каждый раз, прежде чем начать счищать с него соринки, поднимал его к свету.

Федор Абрамов

«А напоследок я скажу...». Или, проще, вовсе не претендуя на эпохальные открытия, попытаюсь подытожить то, что прожил в грибных мечтах и местах...

«Способ сей необычен. Единственно по скудости моих финансов», как писал Иоганнес Бобровский в новелле «Бенкендорф», и сим необычным способом я попытался совместить несовместимое. Сделать то, о чем в последние годы своей жизни много писал и говорил мой любимый автор, родоначальник научно-художественной советской и российской литературы Даниил Данин. Он ее даже преподавал в Российском гуманитарном университете, эту дисциплину, которую назвал кентавристикой, сформулировав жанр, в основу которого положил греческое понятие оксюморон, то есть сопоставление несопоставимого: «Они сошлись, вода и камень, стихи и проза, лед и пламень...».

Как бы на границе, где прорастают чудо-грибницы.

Недавно встретились мы с одним из персонажей этих заметок за рюмочкой чайку, и я вкратце пересказал ему содержание, перечислил действующих лиц. Виктор Сенченко идею одобрил, и мы много еще вспомнили того, что вместе переживали в нашей дубненской молодости... И чтобы у читателя не сложилось впечатление окончательной законченности сего

повествования, приведу строки из грибного дневника, совсем свежего, 2011 года. С надеждой на будущие продолжения и новые находки.

Суббота, 27 августа. Тата нашла на краю лесной дороги единственный (!) белый гриб. Больше никаких! Это был своеобразный антирекорд в засушливое и жаркое нынешнее лето 2011. Когда я его, единственного, поджарил, получились, как метко заметила Тата, грибные чипсы.

Понедельник, 3 октября. Теперь уже можно подвести итоги. Мой широкий подоконник завален сушеными грибами – подберезовиками, подосиновиками, белыми. Грибы пошли в сентябре вместе с дождями и постепенно вышли на пик в последней декаде. Тут уж надо было успевать. У каждого грибного сезона есть свои особенности. И новые неожиданные места на традиционных маршрутах. Зашел чуть подальше от заветной рощицы, в ее, так сказать, продолжение, и в густой опавшей листве нашел белые грибы...

Дубна, 19 июля 2005 – февраль 2012.

«Есть произведения, которые я пролетаю скорочтением, однако твои надо читать вдумчиво, смакуя каждую простую мелочь. Ну что тебе сказать? Вещь великолепная – добрый сказ о даре природы, нежная повесть о верных друзьях и лирические всплески твоей поэзии вместе предстают таким духмяным букетом для читателя. По части писательского мастерства дифирамбов петь не буду, оригинальность повествования вставками напоминает прозу маститого дядюшки Хэма. В общем, поздравляю, друг мой!»

Из письма Бориса Ящука, однокурсника автора по журфаку МГУ, который первым прочел рукопись в электронном формате.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

С РЮКЗАКОМ И КОРЗИНОЙ.

ВОКРУГ «ВОХРЫ»

Большеволжские закоулки – Заметки фенолога (А. С. Кондратьев) – Паустовский о пародах – грибной компас, или барометр...

ОТЦОВСКОЕ НАСЛЕДСТВО

"Уголки" – белые поганки – эстетика грибной корзины – некоторые особенности соленья и маринования

ТЕОРИЯ «ПОГРАНИЧЬЯ»

«Пограничная среда» – по краю моренной гряды – верхняя дорога на Волдынь – мшары

"ОСТРОВА В ОКЕАНЕ"

Черноголовики на кочках – "телехит" сезона – новичок и бывалый – «грибная сказка» в эфире

И ФИЗИКИ, И ГРИБНИКИ

На катере до Коровинского – автобус на Дмитрову Гору – леса моей юности – грибное лето 67-го

И ФИЗИКИ, И ГРИБНИКИ (продолжение)

В Протвино любят зонтичный гриб – встречи с коллегами в Польше, Швейцарии, Чехии – делимся рецептами

ВДОЛЬ КАНАЛА

«Человеку свойственно ошиваться» – электричка в Мельдино и Темпы – на «торфяных грядках» – пар костей не ломит – пробираясь через завалы

ВОКРУГ И РЯДОМ

Городские маслята – лесопосадки в Болшево – чернушки на грядках – навозник братъ будем?

ВЕЛИКИЕ ОЗЕРА

Оришинский мох – первая клюква – опять телесъемки – уроки коллективного собора

«КОСМИЧЕСКИЕ» НАХОДКИ

По дороге из Кимр – вокруг «молочного домика» – в городском, можно сказать, лесопарке

КОНЕЦ – ДЕЛУ ВЕНЕЦ!

Рецепты от Александра Фохта (1913 год) – дома, на кухне, нагулявшись по лесам – «французская» закуска из свежих боровиков – жарим, солим, маринуем, сушим...

